

84 (2рос = рчс) б
Я-47

Л. ЯКОВЛЕВА

ПРО РЕБЯТ И ПРО ЗВЕРЯТ

Кемерово 2008

84/2002-РЧС/16
Я-47

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВА

ПРО РЕБЯТ
И
ПРО ЗВЕРЯТ

51530-22
МУ "ЦБС города Тайги"

АБ Тайгинская
ЦБС

КЕМЕРОВО
КУЗБАССВУЗИДАТ
2008

ББК 83.8
Я47

Яковлева Людмила

Я47 Про ребят и про зверят / Л. Яковлева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 64 с.

ISBN 5-202-00181-9.

Литературно-художественное издание

Яковлева Людмила

ПРО РЕБЯТ И ПРО ЗВЕРЯТ

Редактор Т. В. Тулупова

Технический редактор В. И. Труханова

Компьютерная верстка и дизайн обложки М. Л. Костомаровой

Рисунки автора

Подписано в печать 15.07.2007. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,72. Усл. кр.-отт. 14,88. Тираж 320 экз. Заказ № 87

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48

ББК 83.8

ISBN 5-202-00181-9

© Яковлева Л., 2008

© Издательство «Кузбассвуиздат», 2008

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

В моём далёком детстве, во время войны, по соседству с нами в маленьком старом домишке жила с двумя детьми – шестилетней Томой и четырёхлетним Вовкой – настоящая цыганка. Звали её Маранда. Это так соседи о ней за её спиной говорили: цыганка. Я чувствовала, что за этим словом скрывалось не то что-то обидное, не то постыдное для Маранды, но нам, ребятам, было всё равно: цыганка, татарка, русская. Какая разница? Маранда нам нравилась.

За что? За то, что она и с детьми говорила как со взрослыми, с равными. За то, что не прогоняла нас, когда мы целой ва-

тагой вваливались в её двор, а в ненастную погоду и в дом. Маранда, хоть сама со своими детьми жила впроголодь, умудрялась чем-нибудь угостить нас, «гостей». И неважно, что это было за угощение. То были «тошнотики» – серые оладьи из полугнилой мёрзлой картошки, то капустная кочерыжка, горсть гороха или кусок соевого жмыха – настоящего лакомства по тем временам.

Но ходить к Маранде в гости мы любили не из-за угощения, а потому, что она была большой выдумщицей и часто рассказывала нам разные удивительные истории. Запомнился мне, например, такой случай.

Ушла как-то наша Маранда в лес за малиной и потерялась, домой вечером не пришла. Моя мама и другие соседи всполошились: не иначе, как беда приключилась с Марашей. Иногда её и вот так, ласково, называли.

Мама сходила в домик соседки, привела к нам зарёванных голодных ребятишек – Вовку и Томку. Умыла, покормила их, уложила спать на полу. Устроила детишкам постель из старой зимней одежды.

Маранда пришла домой только к обеду следующего дня. Когда, отдохнув, она вышла из своей избушки и села на крыльцо, вытянув худые, исцарапанные о ветки и натёртые до мозолей ноги, вокруг неё тут же собрались девчонки и мальчишки из ближних домов. Не меньше десятка «гостей» набежало, чтобы послушать очередную Марашину историю.

– Набрала я ягод полное ведро, – неторопливо начала она свой рассказ. – Горсти три-четыре осталось набирать, чтоб уж с верхом было. И тут чудо чудное со мной приключилось. – Глаза рассказчицы, чёрные, загадочные, так и горят тайным огнём. И голос приглушённый, тоже таинственный. Нам заранее делается жутковато. – Сколько ягод ни сыплю, а в ведре не прибавляется. Уже, наверно, и двадцать, и тридцать горстей набрала, а в нём ни на грамм не больше.

– А почему? – спрашиваем мы и придвигаемся к Маранде поближе.

– Не знаю, – она обводит нас колдовским взглядом. – Поняла я только, что дело тут нечистое. Надо мне бы плюнуть на ягоду эту и уйти, а не могу. Точно сила какая держит меня. Ноги будто к земле приросли, а руки рвут и рвут ягоду, кидают в ведро, а там ягод никак не прибавляется. – Маранда переходит на зловещий шёпот. Замолкает.

– А дальше что? – спрашиваем мы.

– Так меня до ночи и держало. Сумерки наступили. Ну, думаю, худо дело. Ночевать в лесу придётся. Без костра это верная гибель. Ночью по лесу медведи шастают, волки рыщут, лешаки и прочая нечисть ползает. Только огнём от неё оборониться можно. Кинулась я хворост собирать да сухие лапы пихтовые. Хорошую кучу набрала. А тут и совсем стемнело.

– А спички-то были? – спрашивает с тревогой в голосе мой брат.

– Спички я всегда с собой в лес беру. Как без них? Развела я костерок, сижу, носом клюю, в сон клонит. Пока сидела так, ничего. А прилегла, глаза прикрыла, вот прямо у меня над ухом кто-то и зевнул. Сладко так, смачно: а-а-ах... Вскочила, рядом никого нет. Только вижу, за соседней ёлкой кто-то большой, чёрный хоронится. Вот лапы поднял, помахал ими неслышно, вот красным глазом блеснул. Схватила я головешку, швырнула в ёлку. Оно на четвереньки упало и уползло.

– А кто – оно? – спрашивает сдавленным от страха голосом кто-то из ребят.

– Кто ж его знает, кто, – отвечает Маранда. – А утром, как рассветло и солнышко выглянуло, – ведёт она свой рассказ дальше, – огляделась я кругом – батюшки святы! – лес-то не тот. Вечером, где малину брала, где хворост для костра собирала, место чистое было, светлое. А тут – коряги кругом, пни обомшелые. С одного боку бурелом страшный, с другого – болото непролазное. Ну, думаю, всё, сгину я тут. И косточки мои растащат по лесу звери лютые. Заплакала я в голос, покойных своих отца с матушкой

вспомнила. Стала просить: покойные мои отец, матушка, помогите вы своей дочери несчастной. Если души ваши надо мной витают и горе моё горькое наблюдают, то выведите меня на место чистое, укажите дорогу к родному порогу... И тут ужасный хохот послышался. Вроде бы, батюшкин голос, вроде – не совсем. Гляжу, небо надо мной чёрным застило, и опустилась тут на ель, за которой ночью чудище таилось, птица филин огромного размера. Филин как филин, только голова у него тятеньки моего покойного. Я его сразу признала. Захлопал филин крыльями трёхметровыми да как крикнет три раза голосом человеческим: «Тут дорога, тут дорога, тут дорога!» Глянула – и впрямь лежит передо мной ровная дорога. Ни кочки на ней, ни пенёчка, хоть боком катись. Оглянулась на ель, а там филина с батюшкиным лицом и в помине нету... Пошла по той дороге, глазом моргнуть не успела, а уж дом мой вот он, в трёх шагах от меня.

Дома мы с братом Женей, перебивая друг друга, рассказываем маме Марандину историю. Мама удивляется, затаив улыбку, хмыкает, покачивает головой. Не верит, что ли, в правдивость этого рассказа? А мы безоговорочно верим.

Взрослые часто говорили о Маранде: «Ой, вруша, такая вруша, спасу нет». Теперь-то я понимаю: не врушей была наша черноглазая цыганка, а просто выдумщицей, сказочницей.

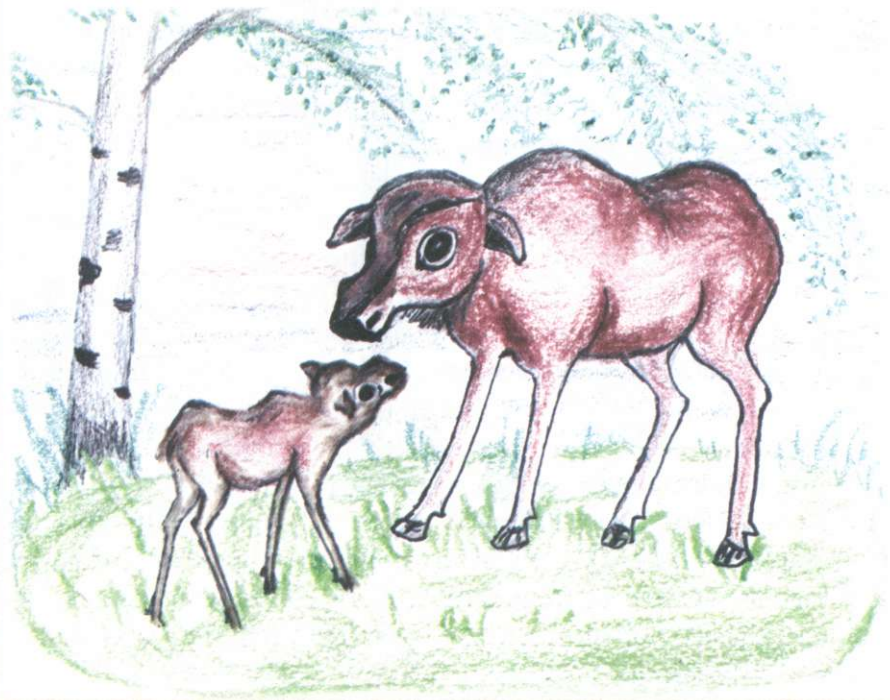
ЛЕСНОЙ ТЕЛЁНОК

Я заканчивала первый класс, и было это весной. Как-то во второй половине мая наш городок облетела весть, что накануне вечером пришла из леса грузная от тяжести лосиха. Почти равнодушная к людям и местным шавкам, не спеша, с трудом переставляя длинные ноги, она прошествовала по тихой вечерней улице и направилась к тридцать третьей школе. Привлёк её туда, видно, густо засаженный деревьями и кустарником школьный сад. Там устало опустилась на траву и прикрыла глаза.

Учителя при активном содействии школьной уборщицы тётки Дуни прогнали от садовой ограды любопытных, попросили оставить лосиху в покое. А утром на примятой траве под деревом обнаружили маленького лосёнка. Его мать бесследно исчезла.

Услышав эту историю от взрослых, мы с братом помчались через весь город к тридцать третьей школе. Здесь, у ограды, толпились и ребята, и взрослые. В саду хозяйничали тётка Дуня и её хромой муж. Лосёнка подняли с земли. Он с трудом сохранял равновесие, покачивался на растопыренных ногах. И были его ножки такими тонкими, что я всерьёз опасалась, как бы они не переломились под тяжестью лосёнка.

Вцепившись руками в прутья ограды и прижавшись к ним лбами, мы с волнением наблюдали за этим чудом – лесным телёночком. Такой он был беспомощный, такой хорошенький, с огромными влажными глазами на милой мордочке.

Тётя Дуня принесла из дома парного молока в бутылке с на-тянутой на неё резиновой детской соской. Уборщицын муж одной рукой придерживал лосёнка под живот, другой пытался удержать его мордочку, которую тот упорно отворачивал от бутылки. Наконец тёте Дуне удалось засунуть соску в рот лосёнка. Он замер на миг, пробуя на вкус содержимое бутылки, и вдруг начал жадно, с придыханием, сосать молоко. Толпа, наблюдавшая это зрелище, задвигалась, ожила. Все заулыбались от радости. Но погрозивший пальцем строгий тёти-Дунин муж призвал всех к порядку, и снова наступила тишина.

Целый день у ограды школьного сада дежурили, сменяя друг друга, старшекласники. По очереди из домов, где держали коров, приносили ребята тёплое молоко, несколько раз в течение дня кормили лосёнка. А взрослые ломали головы: что же делать с ним дальше? На дворе стоял тысяча девятьсот сорок восьмой год. В то голодное послевоенное время каждая крошка еды, каждая капля молока ценились, как говорится, на вес золота.

Только всё разрешилось само собой. С наступлением вечерних сумерек на улице, ведущей к школе, опять появилась уже знакомая многим местным жителям лосиха. Заметно окрепшая, отдохнувшая в лесу, она важно прошествовала через воротца сада к своему малышу. Заботливо облизала его, повернулась к нему боком, расставив задние ноги. И лосёнок – до чего умный! – потянулся на запах материнского молока, припал к набухшему вымени и принялся сосать.

Потом, рассказывали, мамаша и дитя спокойно улеглись на траве, где и провели ночь. А утром, на рассвете, лосиха неспешно направилась к лесу, но теперь уже вместе со своим ребёнком.

Тогда, повторюсь, в сорок восьмом году, ни у кого из моих земляков не возникло мысли о том, что уходит у них из-под носа дармовое мясо. Ни у кого не поднялась рука на беззащитного зверя. Только сострадание, участие, желание помочь читались в глазах людей. А потом – всеобщая радость за удачный конец этой истории.

КОЗА-ДЕРЕЗА

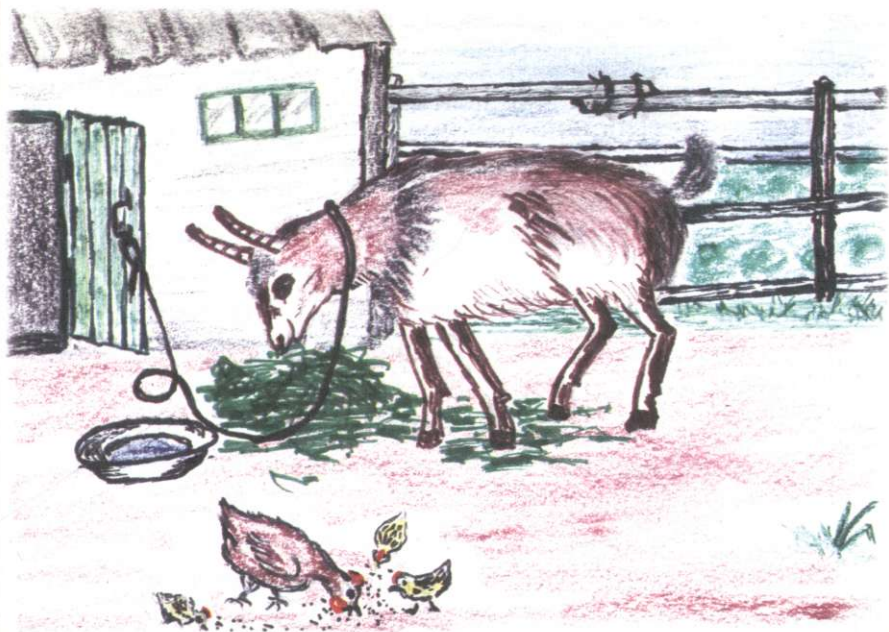
(отрывок из книги «Долгое лето детства»)

Как-то мама присела на ступеньки крылечка рядом с нашей соседкой – бабушкой Егоровной и сказала:

– Я с вами, Егоровна, посоветоваться хочу. Вы никогда не держали козу?

– Как не держала! – живо отозвалась старушка. – Была у меня коза Фроська. Умница такая, ласковая. Бывало, говоришь с ней, она стоит, слушает. Как человек. Всё понимала, только что говорить не могла. Молока по три литра в день давала. А с коровьим его не сравнишь. Чистые сливки. А корм? Корове-то эвон сколь на зиму надо. А коза что? Сена клоч, листа охажку, корку хлеба. Она и сыта. Коза – это милое дело... А что, Вера, не козу ли купить собираешься?

– Я шла сегодня, – сказала мама, – и на дверях хлебного магазина объявление прочитала: коза продаётся. Написано, недорого.

– Мой тебе совет: бери, – убеждённо сказала Егоровна. – С молоком будете.

Через два дня, было это в воскресенье, мама купила козу. Привела её на верёвке бывшая хозяйка Майки. Так звали козу. Майка изо всех сил упиралась и никак не хотела заходить в калитку нашего двора.

– Ах ты, сердешная, – сказала бывшая Майкина хозяйка со слезами на глазах, – чуёт, видно, что чужим людям её отдаю. Да если бы не крайняя нужда, ни в жисть бы... Ну, чего глядишь, милая? Иди, иди, тут теперь твой дом будет. – Женщина сильно покраснела от натуги, натянула верёвку и втащила-таки козу во двор. Потом она накинула конец верёвки на столбик ограды, затянула его узлом и поспешила к выходу.

Коза истошно заголосила. Женщина на ходу оглянулась на неё.

– Прощай, родимая! – И повернула потное лицо к нашей маме, сказала о козе: – До чего умная, всё понимает. Только говорить не может.

Вот и Егоровна так же о своей козе говорила. Все они, видно, одинаковы: всё-всё понимают, а вот говорить не умеют. Потом я подумала: а что если попытаться научить Майку говорить? Бывают же говорящие попугаи и даже скворцы. Надо долго-долго повторять ей одно и то же. Вдруг заговорит?

– Верёвку-то, – крикнула мама вслед уходящей женщине, – верёвку забыли!

– Не надо! – крикнула в ответ тётенька. – Пусть при ней остаётся. Да не спускайте её с верёвки подольше, пускай хорошо к вам привыкнет.

Мы с мамой нарвали за оградой на поляне пук травы и положили его перед Майкой.

– Ешь, ешь, умница, – уговаривала мама козу.

Коза не ела. Натягивала верёвку так, что, казалось, та не выдержит и лопнет, металась у ограды и мекала.

– Может, она пить хочет, – подала голос подошедшая к нам Егоровна, – ишь, бока у неё так и ходят.

Мама сбегала в дом, вернулась с большой миской и поставила её перед козой.

– Попей, глупенькая.

Майка потянулась губами к воде. Показалось, что сейчас она начнёт пить. Но неожиданно коза мотнула головой, сделала сильный прыжок вперёд... Я сначала даже не поняла, что произошло. Увидела только опрокинутую миску, лужицу воды возле неё да маму... Только что она сидела на корточках перед Майкой, а теперь лежит на спине. Коза же, натянув верёвку и низко пригнув голову к земле, снова готова напасть на нашу маму.

Мама поспешно вскочила на ноги, отбежала в сторону, окинула всех, кто находился во дворе, смущённым взглядом и рассмеялась.

– Да это что же за чёрт с рогами? – возмутилась Егоровна, всплеснув руками. И посоветовала маме: – Оставь ты, Верочка, её в покое, окаянную. Захочет – и попьёт, и поест. Пошли по домам. Пусть перебесится.

Покой в нашем доме продлился недолго. Мы услышали громкий крик Егоровны: она звала на помощь. Втроём выбежали мы на крыльцо и увидели, что Майка, перепрыгнув через ограду, забралась в огород и поедает морковную зелень на грядке.

– О Господи! – жалобно простонала мама и бросилась в огород спасать остатки моркови.

Общими усилиями коза была водворена в сарайчик для дров и привязана там к дверной ручке. Снаружи дверь закрыли на защёлку, да ещё подпёрли «на всякий пожарный случай», как сказала Егоровна, толстым коротким обрезком бревна.

Майка снилась мне всю ночь. Проснулась я рано. Сразу же подумала о козе и спросила у мамы:

– А когда будет молоко?

– Какое молоко? – спросила мама.

– Козлиное, – сказала я.

– Не знаю. Надо у Егоровны спросить.

Егоровна охотно согласилась помочь.

– Что ж, пойдём, осмотрим эту холеру. Ежли в ней что имеется, выдоим. Не разузнали у хозяйки-то, в каком состоянии коза. Ну да ничо, сами выясним.

После осмотра Майки Егоровна сообщила, что молока в ней ни капли, что дело это «сурьёзное», и хорошо бы попробовать получить от «холеры» козлёнка. Тогда уж она точно станет давать молоко.

Я обрадовалась словам Егоровны и даже согласилась про себя вовсе не иметь от Майки молока, лишь бы появился у неё маленький козлёночек. А мама отчего-то приуныла. Потом она ушла на работу, а мы с ребятами с нашей улицы без устали, целый час, наверно, рвали траву и таскали её козе. Труды наши пропадали зря, потому что Майка больше топтала траву, чем ела.

– Видать, с корня привыкла корм брать, – сделала вывод Егоровна. – Надо её на выгул свести.

Нам, ребятишкам, надоело торчать во дворе, и слова Егоровны мы встретили с радостью. Выгул представился мне раздольным лугом с шелковистой травой и морем цветов.

Егоровна отвязала Майкину верёвку от дверной ручки, и мы дружной компанией вышли со двора. Майка вела себя хорошо. Она резво шагала впереди, слегка натягивая верёвку.

– Будь ты неладна, – ворчала себе под нос Егоровна. – Столько дел в огороде, а тут возись с тобой.

– А давайте мы её сами поведём, – предложил мой брат Женя.

– Баб, ну пожалуйста! – добавила немного капризным голосом внучка Егоровны Катя.

– Далеко ль вы её уведёте? Или она вас... – засомневалась Егоровна. А потом согласилась: – Ну, давайте, поглядим.

Женя намотал конец верёвки на руку. Майка всё так же резво семеняла по дороге к лесу.

– Ну, с Богом! – напутствовала нас Егоровна. – Далёко не

ходите. Спуститесь в ложок, привяжите там её к деревцу, пусть пасётся. Часика через два можете возвращаться. Будет с неё.

Вот и спустились мы в ложок, и прошли его в поисках подходящего деревца, и вышли к кладбищенской ограде. Майка так и потянулась к этой ограде из осиновых жердей. Сначала скребанула зубами по жерди, оставила на серой коре белый след. Потом пригнула голову, нырнула под верхнюю жердь, легко перепрыгнула через нижние и оказалась по ту сторону ограды. Нам ничего не оставалось, как последовать за Майкой. А она сделала несколько шагов и принялась жевать траву на заброшенной могиле. Трава здесь была густой и сочной.

– Пусть здесь пасётся. – Женя обмотал конец верёвки вокруг низкого, вросшего в землю креста.

Постояли мы около Майки, поскучали.

– Пойдёмте к лесу, – предложил мой брат, – земляники поедем. А назад будем идти, заберём её.

Полакомились мы на лесной опушке земляничкой, поплескались в ручье, а когда зашли на кладбище за Майкой, на месте её не оказалось. И креста, к которому её Женя привязал, на могиле тоже не было. От него остался только торчащий из земли гнилой обломок.

– Вот будет теперь от мамы, – заныла я, едва сдерживая слёзы.

На самом деле мне было очень жалко маму. Она хотела, чтобы у нас было своё молоко, столько денег на эту Майку потратила, а мы её потеряли. Понурые шли мы домой. Катя тоже приуныла, поглядывая на меня с жалостью. А младший брат её Вовка просто устал.

Дома нас ждала великая радость. Едва шагнув во двор, мы увидели нашу дорожную Маечку. С поднятой головой она лежала около крыльца, а рядом с ней валялся крест, обмотанный верёвкой.

Мы вмиг забыли об усталости, весело запрыгали, зашумели.

– Ничего себе, – радовался Женя, – надо же, сама нашла дорогу домой! Молодчина!

На шум, поднятый нами, пришла Егоровна. При виде креста она отступила, перекрестилась и сказала сердитым голосом:

– Вы что натворили, басурманы? Зачем крест с могилы приволокли?

– Это не мы, – Женя кивает на козу, – она.

– Ой, не будет с неё толку, – с осуждением сказала Егоровна.

Ночь Майка провела в сарае. Утром мама открыла дверь сарая, но от дверной ручки отвязывать козу не стала. Днём нас опять ждала неприятность. Когда мы с братом, вволю набегавшись, вспомнили о Майке и прибежали к сараю, то увидели, что нет ни козы, ни дверной ручки, к которой её привязывали. Мы с Женей обегали все соседние улицы, наведались даже на кладбище. Майки не было нигде.

Уже вечером, когда мама пришла с работы, упирающуюся Майку притащил на верёвке незнакомый дед. Он сказал, что коза забралась к нему в огород и здорово обглодала капусту. Мама стояла перед дедом вся красная и нескладно извинялась.

– Ой, зачем я только купила её на свою голову? – вырвалось у неё.

И тут дед сказал, что если мама не против, он купит нашу козу.

– Продавай, Вера, – посоветовала сдержанно Егоровна. – За козой глаз да глаз нужен. Человек на пенсии, наверно, – кивнула старушка на деда, – да и хозяйка, должно быть, дома сидит. Тогда, конечно, сладят они с животинной.

Договорились о цене. Мама немного потеряла денег на Майке. Но когда дед удалился, уводя за собой козу, мама вздохнула с большим облегчением, улыбнулась, потёрла ладошкой лоб и сказала весело:

– Кошмар какой-то.

– И-и, что ты, милая, – поддержала её Егоровна. – Коза – это ж не привели господь что такое. Она ж в любую щель, как змея, пролезет, напакостит на сотню, а пользы ни на грош.

– А вы говорили... – начала было мама, но посмотрела на сутулившуюся Егоровну и замолчала.

РЕБЯТА И УТЯТА

(отрывок из книги «Долгое лето детства»)

Вскоре после окончания войны, посреди зимы, тяжело заболела наша мама, и меня с братом Женей увезли за восемьдесят километров от города, где мы жили, в деревню Варюхино, в детский дом. Остаток зимы прошёл быстро. Мы знакомимся с другими ребятами, привыкали к новой для нас жизни, к детдомовским порядкам, ходили в сельскую школу.

Пришёл июнь. Наконец-то наступили долгожданные летние каникулы. Главное открытие для всех детдомовцев – это лес, который начинается сразу за колхозным полем. А в лесу всё, что нас привлекает: колба, медунки, цветы. Распустились огоньки. Поляны как будто и вправду горят пламенем от этой красоты. А если повезёт, можно найти очень крупные, яркие, прямо-таки королевские цветы – таёжные дикие тюльпаны, или по-местному – Марьины коренья.

Медунки мы съедаем на месте. Надо только очистить стебли от покрытой пушком кожицы, и «блюдо» готово. Колбу отнесём на кухню поварихе Тоне. Она делает из неё салаты, добавляет в супы или стряпает пирожки с колбой и яйцами. Вот где вкуснятина!

Мальчишки же так и норовят удрать на болота. Потому что не разрешается ходить туда, что ли? Когда мы, девочки, возвращаемся домой, нагруженные колбой и цветами, пацаны догоняют нас.

– Вон сколько мы колбы набрали! – говорю я брату.

– Колбы... – Женя презрительно хмыкает. – Вот мы набрали, так набрали.

– Чего? – спрашиваю я.

– Яиц. Столько гнёзд на болотах, ужас просто.

– Каких гнёзд?

– Утиных, каких же ещё. Идешь, и прямо из-под ног утки вылетают.

– А яйца зачем? – спрашиваю опять.

– Как зачем? Отнесём Тоне на кухню, она яичницу сделает. Или на пироги с колбой пойдут. Знаешь, сколько мы набрали? Больше полусотни. Вот обрадуется Тоня, да?

– А как же утки? – спрашиваю я, глядя вниз, себе под ноги. – Вернутся к гнезду, а там ничего нет.

– Ерунда, – говорит Женя беспечно. – Ещё нанесут, если им надо.

Я успокаиваюсь. Если нанесут, тогда ладно. Но Тоня при виде яиц не радуется. Она горестно всплескивает руками и кричит на мальчишек:

– Вы что же наделали, паразиты несчастные? Яичницы им захотелось! Сколько птицы загубили! О том не подумали, что яйца эти давно насижены. Утята из них должны вот-вот вылупиться, а вы...

– Да ну, – говорит рыжий Борька по кличке Заяц. – Не может быть... – Он берёт одно яйцо и разбивает его о край стола. Скорлупа разваливается, из неё на Борькину ладонь вываливается мутная слизь с кровяными прожилками. Мальчишка бросает яйцо в помойное ведро, брезгливо морщит нос и губы.

– Что за собрание? – раздаётся над нами голос директора детства.

– Ой, Иван Захарович, вы только поглядите, что они натворили! – причитает Тоня.

– Понятно, – медленно произносит директор. – Несмотря на запрет на болота ходили?

Мы, притихшие, ждём грозы. Но Иван Захарович, помедлив, решительно говорит:

– Ладно, придумаем что-нибудь. Антонина Степановна, – это к Тоне, – вы нам и поможете.

– Как? Что надо делать? Назад их тащить, что ли, эти яйца?

– Нет, конечно, Не знаю, сколько именно, но нужно срочно найти кур-наседок. Бывает же, квохчет курица, а хозяйка не хочет её на яйца сажать. Нам бы её во временное пользование. Сколько надо наседок, как вы думаете?

– Пятьдесят два яйца, – размышляет вслух Тоня. – Пять-шесть штук курей надо. Только зря, поди, всё это. Птенцы, наверно, уже погибли без подогрева. Кто знает, сколько времени они, – Тоня кивает на притихших мальчишек, – с яйцами по лесу шарахались.

– Нисколько мы не шарахались, – говорит Мишка Онучин. – Как набрали, сразу домой. В кепках несли, в тепле.

– И день сегодня тёплый, – поддержал Мишку Иван Захарович. – Может быть, обошлось.

Тоня, накинув платок, побежала в деревню. А мы в это время сгрудились вокруг стола над картузами, фуражками и принялись усиленно дышать на яйца.

МУ "ЦБС города Тайги"

51530-22

Тоня скоро вернулась и привела с собой пять женщин. В руках у каждой из них было по курице.

– Глядите, – предупредила нашего директора одна из женщин, – как надобность отпадёт, чтобы мне мою квочку – в целости и сохранности.

– Обязательно вернём, – заверил женщин Иван Захарович.

В закутке завхозовской кладовой поставили ящики, картонные коробки, настелили в них соломы и положили в устроенные лунки по десятку яиц. Три наседки будто только этого и ждали, сразу сели на гнёзда. Оставшиеся две для виду потоптались, принялись клювами подправлять кладку и солому. Но и эти наконец успокоились.

– Как бы зря их старания не пропали, – опять высказала сомнения Тоня.

– Испыток – не убыток, – сказал директор.

Потом отобрали трёх девочек, которым предстояло ухаживать за наседками. Я первая напросилась. Со мной – моя подружка Галя Двоглазова и Зина Коровина.

Сколько было радости, когда уже через пять дней из семи яиц вылупились первые утята. Много хлопот доставили они и нам, и наседкам. Дело в том, что утята эти появились в разных гнёздах. Одна из куриц решила, что ей незачем сидеть на остальных яйцах, из которых никто не выводится, и сошла с гнезда. Она ходила по кладовой нервная, взъерошенная, долбила клювом крупинку, громко призывала малыша к себе. А он сидел в коробке среди яиц, покачивался из стороны в сторону и не спешил на её зов.

Я бросилась к Ивану Захаровичу. Что делать? Он рассудил так: всех вылупившихся утят посадить к беспокойной этой курице, а яйца из её гнезда поделить между другими наседками.

Удалось, в общем-то, это дело. Только одна из квочек, когда я подкладывала под её бок яичко, долбанула по нему клювом и разбила. Птенец, конечно, погиб. Зато другие яйца мы стали подкладывать незаметно для наседок, предварительно сняв их с гнезда.

Дней через десять в нашем птичнике стало шумно и весело. Всего у нас вывелось сорок шесть утят! Только из пяти яиц, сколько их ни держали под наседкой, ничего не вывелось.

Птенцы покрылись серым пушком и сделались прехорошенькими. И что было удивительно – каждый выводок тянулся за своей «мамой»-наседкой. Меня это умиляло. Малюсенькие, а такие умные.

Когда утята ещё немного подросли, их решили переселить из тесной кладовой. Возле сарая старшие ребята с помощью Ивана Захаровича вкопали столбы и натянули на них старый рыбацкий невод, залатав в нём крепкими суровыми нитками дыры. Сюда же поставили сбитые из дощечек кормушки для утят и корыта с водой – пусть плещутся в воде в своё удовольствие. Вдоль стен у сарая поставили ящики с большими отверстиями. Своим видом эти ящики напоминали собачьи конурки. В них утята смогут прятаться от непогоды или от назойливых глаз любопытных посетителей.

Через специально сделанную калиточку, также обтянутую сеткой, в выгул пересадили всех утят. А наседок в тот же день вернули хозяйкам.

Прибавилось забот у нашей Тони. Надо было в отдельной кастрюле каждый день отваривать для утят пшено, готовить им мешанку из кухонных отходов, варёных яиц и рубленой зелени.

Любил в птичий загон заглядывать и наш директор. Иногда он ловил какого-нибудь утёнка, подносил его близко к лицу, разговаривал с ним, словно с ребёнком:

– Ну, как тебе тут, малыш, без мамки, без папки? Ничего, а? Детдом есть детдом. Обживёшься, привыкнешь. – И отпускал со словами: – Расти большой.

Вскоре у нашего директора случился сердечный приступ, и его увезли в райцентр, в больницу. Наша Тоня сопровождала его туда. Вернулась и рассказала, что предстоит Ивану Захаровичу серьёзная операция, врачей из города к нему вызвали.

Около детдомовской изгороди собралась кучка деревенских женщин. Они стоят по ту сторону калитки, а Тоня и кучка детдомовцев – по эту. Женщины горестно качают головами, жалеют директора, говорят:

– Это ж надо... Господи, с чего бы? Такой здоровый с виду мужчина.

– Какой там здоровый! – говорит со слезой в голосе Тоня. – Израненный он весь. Рассказывал Иван Захарович, снаряд рядом с ним на фронте разорвался. Осколки от того снаряда у него в спине, в лёгких засели. Сколько вынули врачи из него тех осколков – и не счесть. А один, совсем маленький, не смогли достать, потому что около самого сердца он сидел. Теперь, сказали, осколочек сдвинулся с места. Хочешь не хочешь, а резать надо, вынимать его.

Я стояла в толпе девчонок и, сдерживая слёзы, слушала этот разговор. Опустел, осиротел детдом без директора. Ночью я горячо молила забытого мной на время Бога: «Боженька, миленький, я тебя очень прошу, сделай так, чтобы Иван Захарович поправился. Пусть он живёт, Боженька. Сделай так! И тогда я поверю, что ты есть!»

А утром, после завтрака опять пошла к своим утятам. Как выросли они за полтора месяца. Расправляют крылья, пытаются взлететь, вспархивают на края кормушек и шлёпаются на землю. Даже если и совсем станут взрослыми, не улететь им отсюда. Вверху-то над загоном тоже сетка.

«Вот он спас вас, – говорю я мысленно утятам, – вы живые, здоровые, радуетесь. А Иван Захарович лежит сейчас со своим осколком у сердца. Операцию ему делать будут, резать острым-острым ножом...» Кажется особенно страшным, что – острым.

К загону подходит со скорбным лицом Тоня. Она принесла кастрюлю с кормом для утят.

– Знаешь что, девонька, – говорит она мне, – я думаю, надо уточек этих, всех до единой, на волю отпустить. Пора им к своим приобчаться. Не для того же их Иван Захарович сберёг, чтобы после в котёл с похлёбкой отправить.

– Нет, Тоня, что ты! Иван Захарович и чтоб в котёл?! Нет!

– Отпустить, что ли, советуешь? Думаешь, не осерчает он, когда вернётся?

– Не осерчает! – говорю я убеждённо. И на душе у меня становится радостнее от Тониной уверенности, что наш директор вернётся в детдом.

Все детдомовцы с горячим одобрением встретили Тонино предложение отпустить утят на волю. После обеда у загона выстроились ребята – кто с корзинками, с сумками, а кто и с наволочками в руках. Тоня и четверо старших мальчишек ловили в загоне утят. Многие из них, когда началась суматоха в птичнике, забились в будочки. Этих взять было не трудно. Но за некоторыми пришлось изрядно побегать. Вскоре загон опустел. Все утята были надёжно упакованы, и ребята, прижимая их к груди, двинулись дружной компанией к лесу, к болотам и озерам. Хватило и радости, и волнений, когда выпустили мы своих питомцев на воду в небольшое озеро.

Проследили за ними: как-то поведут себя? Утята стали деловито грести лапками, то отплывать от берега, то возвращаться к нему. А потом начали нырять и бить крылышками по воде.

«Конечно, им здесь лучше, – с грустью подумала я. – Озеро для них – дом родной. Разве можно сравнить с озером какое-то корыто? Утиный загон опустел, но по привычке я ещё некоторое время наведывалась сюда. Постою, посмотрю, совсем грустно станет. Тоня, наверно, заметила мою тоску и как-то сказала мне:

– Знаешь, чего я придумала? Надо нам кур завести. Купим в деревне маленьких цыплят, они дешёвые, и вырастим. Будут у нас свои куры. А то зря столь места пропадает, – кивнула она в сторону загона.

Вскоре в детдом пришла весть, что Ивану Захаровичу сделали операцию и прошла она удачно. Но вернулся в детдом наш директор уже без нас. Потому что мама выздоровела, приехала за мной и Женей и забрала нас домой, в Тайгу. И не знаю, купила ли Тоня цыплят, чтоб загон не пропадал зря. Думаю, купила.

ЛЕШИЙ

Впервые про Лешего я услышала от моей мамы, когда приехала как-то летом в Тайгу из Томска на выходные. Мама с моей младшей сестрёнкой Алёнкой жила в половине старого бревенчатого дома. Вторую половину занимала пожилая женщина, которую мама называла Ньюрой.

Когда мы шли по тропинке от калитки до крыльца маминой половины, из сарая, расположенного в конце двора, донёлся какой-то шум, а после и ругань маминой соседки:

– Чтоб тебя черти побрали, Леший окаянный. Сил нет глядеть на тебя, уродина ты убогая.

– Опять Ньюра со своим поросёнком воюет, – заметила с улыбкой мама. – Вот чудо-то какое. Купила Ньюра весной, в апреле или даже в марте, двух поросят. Одного возраста, одного роста были тогда, с одного гнезда, от одной свиноматки. Четвёртый месяц держит их Ньюра. Один ест, лопает всё подряд, растёт не по дням, а по часам. А второй бегаёт, визжит без конца и ни грамм, наверно, как его купили, не прибавил. Представляешь, каким был в полуторамесячном возрасте, таким и остался, хоть ему уже пять месяцев.

– Ой, как интересно! – изумилась я. – А можно на него посмотреть?

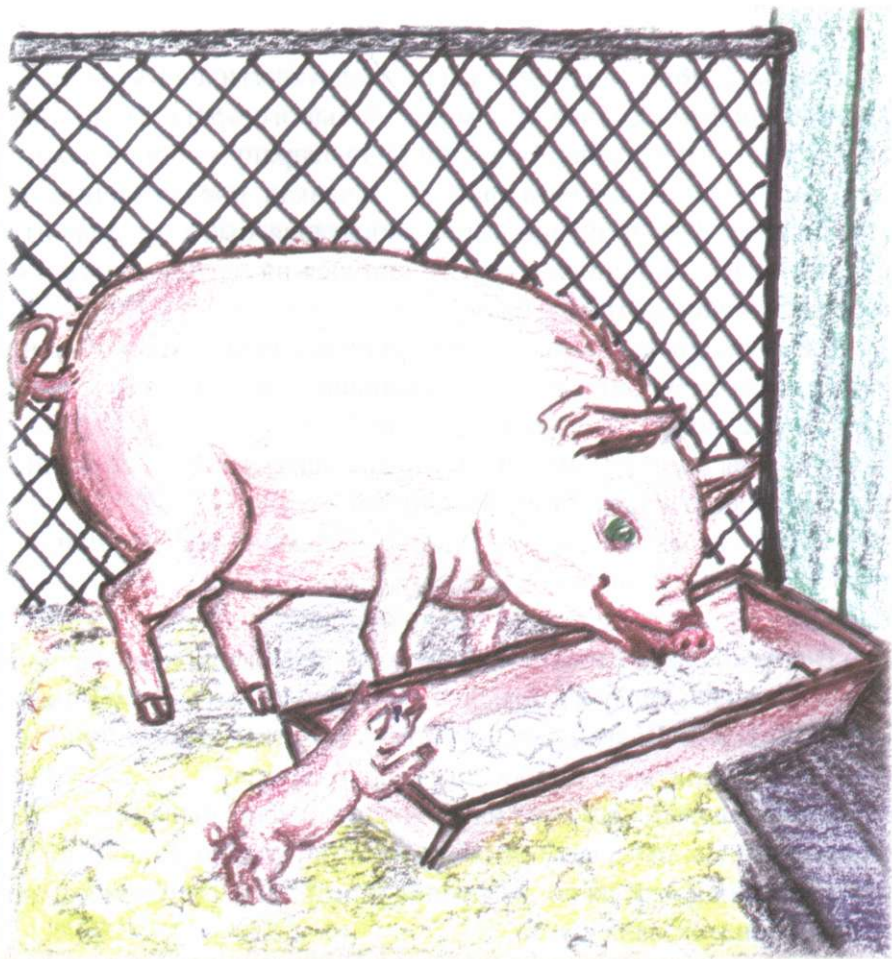
– Можно, конечно. Пойдём к сараю. Кормит их сейчас Ньюра.

Дверь сарая была открыта настежь, а проём снизу, чтоб не сбежали поросята, был до половины загорожен металлической решёткой. Тётя Ньюра как раз собиралась перелезть через это ограждение из сарая на улицу.

– Ньюр, – сказала мама, – вот дочка ко мне на выходные приехала. Хочет твоих поросят посмотреть, особенно Лешего. Я ей про него рассказала.

– Да пусть смотрит сколько хочет. От него всё равно не убудет. Сглазить Лешака не сглазишь, хуже уже ничо и не придумаешь, чем есть.

Тётя Нюра выбралась из сарая, а я подошла к решётке. В сарае было чисто: весь пол засыпан свежими древесными опилками и мелкими стружками, от которых исходил запах леса. Корыто, сложенное из толстых досок, тоже было чистым. Было заметно, что хозяйка недавно выскоблила его скребком. На дне корыта виднелись остатки серой кашицы из запаренного комбикорма, которую, чавкая, поедал упитанный и довольно крупный боровок. А под его брюхом бегал и громко верещал маленький и щуплый поросёнок.

И никак невозможно было поверить в то, что передо мной два брата-близнеца, которые появились на свет в один день, а то и час. Если бы мне сообщил об этом кто-то посторонний, я бы не поверила. Но моя мама всегда говорила правду и только правду.

– Значит, он лилипут? – уточнила я.

Тётя Нюра оставила мой вопрос без ответа, но с явной неприязнью в голосе произнесла:

– Вот смотрите, смотрите на этого паразита, что он щас вытворять начнёт.

Мы стали глядеть. Лилипутик поставил передние ножки на край корыта, ловко подкинул кверху зад и очутился в корыте. С громким визгом кинулся он к морде большого брата и попытался укусить того за пятак. Большой брат отпрянул от маленького в сторону. Леший, победно хрюкнув, зачавкал, поедая кашу из комбикорма. Большой поросёнок попытался было продолжить еду, но маленький снова с визгом кинулся на него, разинув рот и обнажив свои жёлтые зубы.

– Вот гадёныш, – начала опять ругаться тётя Нюра, – ведь не жрёт ни черта, месит только. А жадничает, зараза. Сам не ам и другому не дам. Одно слово – Леший.

– Его бы в цирк можно было сдать, – сказала я. – Это же интересно: всегда маленький и маленький.

– Ага, где он в Тайге, тот цирк? – Мамина соседка ехидно поджала губы и направилась к дому.

Мы с мамой тоже пошли на свою половину.

В другой раз я увидела Лешего осенью, в октябре, когда приехала навестить маму и сестрёнку вместе со своим мужем Валентином. Увидела Нюрин сарай, вспомнила о поросёнке-лилипуте, решила проверить, не подрос ли он за это время.

Дверь в сарай, несмотря на прохладный день, была всё так же распахнута. Закрывала её хозяйка, видимо, только на ночь, чтобы не мёрзли во время сна питомцы. Я потащила с собой к сараю и Валентина, сказала ему:

– Пойдём, чудо покажу.

На полу, на подстилке из стружек, лежал здоровенный хряк. Он дремал и во сне глубоко и ровно дышал, поводя раздутыми боками. А рядом, уткнувшись брату в брюхо пяточком, вздрагивая во сне, лежал по виду месячный поросёнок.

– Это, что ли, чудо? – спросил разочарованно мой мужёнок. – Мамаша-свинья с ребёнком спит.

– Какая мамаша? – рассмеялась я. – Это же братья родные, причём одного возраста. Этот, большой, – Борька. А маленького хозяйка Лешим зовёт.

От моего голоса лилипутик проснулся и подбежал к решётке, у которой мы стояли. Поднял мордочку кверху, посмотрел на непрошенных гостей и вопросительно хрюкнул.

Я засмеялась.

– Ты смотри-ка, хрюкать научился, а то раньше только визжал без умолку.

На крыльцо из своей половины дома вышла тётя Нюра.

– Что, любуетесь иродом моим? – крикнула она нам. И обратилась к Валентину: – Валя, сделай милость, ткни ножом, зарежь ты эту тварь. Сил моих нет смотреть на него. Думала, сын Юра приедет в отпуск, так управится с Лешим этим. А он письмо прислал, что позже приедет, к праздникам только.

– Да ну, что вы, – смутился Валентин, – у меня рука не поднимется на такую мелюзгу... Да и что вам прока от него? Какое там мясо, два-три килограмма.

– Не в мясе дело, – рассердилась тётя Нюра. – Я же говорю: сил моих нет глядеть на него. А когда с Борькой управимся, куда этого дену? Околеет зимой от холода и всех делов. Да и на кой ляд его держать?

– А давайте я его у вас куплю! – весело предложил Валентин. – Сколько стоит три килограмма мяса, десятка? Вот и цена ему.

– Да зачем он тебе? – удивилась тётя Нюра. – В Томске будете держать, что ли?

– Почему в Томске? Я его к бате своему в деревню отвезу. Там у него внуки, моего старшего брата ребятишки. Будет им ваш Леший вместо игрушки. Пусть живёт. Чего его жизни лишать? Он не виноват, что таким родился.

– Ну, бери, если есть охота, – с удовольствием согласилась тётка Нюра. – За десятку отдам. Я за него столько и по весне платила. Своё б вернуть.

Даже вспоминать не хочется, как везли мы Лешего в электричке. Всю дорогу, долгие два часа, поросёнок метался в мешке, только что не прыгал в нём по вагону. То замолкал на время, то принимался пронзительно визжать. Нам было очень стыдно перед пассажирами за такого беспокойного «зайца» в мешке. Ведь ехал-то он безбилетным пассажиром, зайцем, значит.

Валентин вытянул мешок с Лешим из-под скамейки, куда определил его вначале, утащил в тамбур и пристроил там у стенки. Так и ехал, бедняга, больше в тамбуре над мешком стоял, чем в вагоне сидел.

Наконец, вылезли мы из электрички на первом Томске и поймали такси, водитель которого за двойную плату согласился подбросить нас до Дачного Городка, где жили родители моего мужа с сыном Николаем и его двумя детьми младшего школьного возраста.

Поместили Лешего в сарай, где вдоль стен стояли клетки с кроликами. Кролики в клетках на подставках наверху, а внизу, под ними, хозяйство Лешего. Простор, свобода, мягкая подстилка из сена и трухи.

Кормить Лешего стали остатками со стола – немного, но сытно и вкусно. Много-то ему и не надо. Перекусит маленько и ну носиться по сараю. Бегает, высоко подбрасывает задние ноги, резвится в своё удовольствие. Ни на кого не сердится, никого не кусает. Толстого надоевшего брата-обжоры рядом нет, миску с едой ни с кем делить не надо.

Ребятишки, Лена и Саша, полюбили Лешика. Правда, звать его стали Лёшей. Один к себе зовёт, другой – к себе. А тот и рад, бегают туда-сюда, тычется пяточком в ноги новых друзей.

Зиму прокоротали, а летом и того привольней. Дед Фёдор, отец Валентина, приладил к сараю загончик для Лёшки, обтянул стены металлической сеткой, а сверху навес от солнца и дождя соорудил. Захочет Лёшка – в загоне носится, захочет – в сарай уйдёт, на отдых.

Много лет жил у нашей родни в Городке этот диковинный поросёнок-лилипуг. Привыкли все к нему, как к домашней кошке там или собаке. И соседи привыкли к нему тоже. Выйдут в огород, непременно поглядят в сторону Лёшкиного загончика: жив, здоров, бедолага? Ну, и слава богу, ну и пусть живёт, раз уж появился на свет белый.

РАЗ ЁЖИК, ДВА ЁЖИК

О ёжиках с детства я знала только понаслышке. Не водятся ведь они у нас в Сибири. А увидеть, как говорится, живём этого симпатичного зверька мне довелось уже в зрелом возрасте, в двадцать семь лет, когда недолгое время наша семья жила на Украине.

Временно, пока достраивался пятиэтажный панельный дом, в котором нам уже была выделена благоустроенная квартира, мы сняли под жильё в пригородной деревне Николаевке старую украинскую хату. Её хозяева перебрались на жительство в тот же город Первомайск, где предстояло в скором времени и нам поселиться.

О хате хочется рассказать особо. Была она сложена из самана – самодельных кирпичей из глины, смешанной с навозом. Саманные кирпичи хорошо просушивают на жарком летнем солнце, и они обретают прочность настоящего кирпича. Пол в хате тоже был глинобитным, а крыша – соломенной. Даже печь в нашем временном жилище тоже была сделана из глины. Мы диву давались, разглядывая необычный для нас, сибиряков, этот дом.

Позже нам довелось увидеть собственными глазами, как делали украинцы такие печи. Хорошо вымесят с песком тяжелую жирную глину, берут в руки увесистые комья замеса и с силой ляпают их куда надо, мастерски лепят топку, дымоходы, трубу.

Конечно, когда мы приехали на Украину, а произошло это в конце шестидесятых годов, уже уходили в прошлое саманные хаты с глинобитными печами, полами и соломенными крышами. Такие сооружения изредка мастерили по деревням для содержания домашних животных или птицы. Летние кухни и те норовили построить из досок, кирпича или ракушечника.

А глинобитные печи устраивали селяне в садочках, используя их для приготовления пищи в летнее время. Вот и у нас в старом заброшенном саду, у хаты, которую мы сняли, тоже стояла такая летняя глиняная печка. Я подмазала на ней трещины, побелила извёсткой.

Рядом с печуркой муж смастерил длинный дощатый стол и такие же лавки. Я полюбила этот уголок в саду, свой «кухон-

ный очаг» и стол, за которым можно было одновременно усадить больше десяти человек.

Как-то утром я подошла к печурке, чтобы приготовить завтрак – пожарить яичницу с луком и помидорами, и обратила внимание на то, что у печки кто-то основательно похозяйничал. Или похулиганил?

Этот кто-то выгреб из поддувала всю золу и остывшие неперегоревшие угольки, замусорил до того такую чистую площадку перед печкой и столом. А ещё этот кто-то перевернул коробку с мусором, раскидал картофельные очистки, изорвал в клочья старую газету... В общем, поработал на славу.

Пока я приводила в порядок свою «летнюю кухню», настроение у меня заметно испортилось. Кто же это устроил? Неужели местные мальчишки? Непохоже на них. Здешние ребяташки отличались послушанием и уважительным отношением к людям. Тогда кто же, кто?

К вечеру я перестала думать об этом, не таком уж значительном происшествии. А ночью разбой повторился один к одному. Опять кто-то раскидал содержимое мусорной коробки, тщательно выгреб из поддувала золу и уголья. «Да что же это такое, в самом-то деле? – возмутилась я. – Чьи же это проделки?»

Днём я встретила соседку по улице – молодую, почти мою ровесницу, добродушную, улыбчивую украинку по имени Нина. Я пожаловалась ей на ночного шалуна.

– Тю, да то ж ёжик! – засмеявшись, сказала молодка. – Хата-то ваша с год пустовала, печурку никто не топил, вот они, ёжики, и устроили в поддувале себе хатку. Чем не готовая норка? Они это, больше некому.

– Не видела я что-то никаких ёжиков, – заметила я.

– Рано спать ложитесь, – засмеялась опять Нина. – Днём ежи как раз спят, в садочке прячутся, а когда стемнеет, начинают бродить, корм шукать, мышей и жуков всяких ловить.

После разговора с Ниной я решила, что спать не лягу, хоть

всю ночь просижу в саду, а подкараулю ночных разбойников. Очень захотелось мне увидеть живого ёжика.

Я накинула на плечи тёмный плащ, уселась на лавочке у стола под яблоней и приготовилась смотреть и слушать. Быстро стемнело. На Украине и летом темнело рано, не то что у нас в Сибири. Яркие звёзды усеяли тёмно-синее небо. Света от них было немного, но всё же я различала деревья, кусты, даже отдельные травинки, которые почему-то отливали под светом звёзд серебром.

Ждать долго не пришлось. Я услышала сначала шорох в кустах, а потом торопливые шаги маленьких ножек. «Топ-топ-топ» — торопливо топали чьи-то ножки. Я напрягла зрение и увидела, как приближается к печурке светлый, тоже отливающий в темноте серебром, живой, немного продолговатый шарик, небольшой, размером с мою ладошку.

Шарик полез в поддувало печурки, чихнул раз, другой. Зола, видно, в нос попала. Зверёк принялся быстро-быстро работать лапками, выбрасывать золу наружу. Ага, попался, который кусался! — со злорадством подумала я, тихонько подошла к холодной печке и сунула в зольник припасённый заранее прут. В ответ послышалось сердитое шипенье. Но затем зверёк затих, затаился, свернувшись в клубок. Я выкатила его из печурки и осторожно, боясь уколоться об иголки, потрогала рукой. Иголки оказались совсем не страшными, не настолько колючими, как я это себе представляла. Я даже взяла ёжика в руки и пошла с ним в хату.

В сенях у меня стояла припасённая заранее плетёная из проволоки клетка, которую я нашла в сарайчике. Должно быть, в ней когда-то хозяева хаты держали каких-то птичек. Затолкала ёжика в клетку и закрыла её дверцу на защёлку. Потом принесла из хаты небольшое спелое яблоко и тоже затолкала его в клетку, чтобы мой пленник не умер с голоду. Решила, что завтра утром покажу проказника мужу и четырёхлетней Олечке, а потом уж все вместе решим, что делать с ёжиком дальше. Может быть, оставить себе, приручить? Посмотрим.

Утром я проснулась, как уж повелось, первой из нашего семейства. Взяла спички, яйца, пошла в сад, к печке – топить очаг, готовить неизменную утреннюю яичницу.

Подошла к столу, глянула под ноги и застыла в недоумении. В «кухне» моей опять бедлам: зола, мусор, яичная скорлупа, изорванная бумага. Даже кучка хвороста, приготовленная для топки, и та раскидана. Сколько же их, налётчиков этих? Может быть, весь сад тут ёжиками нашпигован? Всех не переловишь, это ясно.

И всё же вечером я опять засела в засаду – устроилась на лавочке у печурки. Всё повторилось, как вчера. Опустилась на Николаевку синяя ночь. Заверещали кузнечики, оглушительно заквакали на всё село лягушки. И опять подкатился к печурке серебристый колючий клубочек. Поймала я и его. Опыт-то по отлову ёжиков был у меня уже приличный.

Подсадила к вчерашнему пленнику и сегодняшнего. Утром Оля восторженно разглядывала зверьков, то и дело приносила им лакомства: то глазированный пряник, то подвяленные абрикосы, то кусок груши или яблока. Что-что, а фрукты на Украине имелись в изобилии.

– Мамочка, – умоляла меня дочурка, изображая на своей мордашке настоящее страдание, – давай оставим ёжиков себе. Они такие хорошенькие.

– Конечно, пусть живут, – поддержал дочку отец. – Ежи ведь, говорят, мышей ловят не хуже кошки.

– У нас нет мышей, – заметила я.

– А мы их заведём! – весело пообещал папа.

В общем, поддалась я на уговоры. Занесли мы на ночь клетку в хату и выпустили пленников на волю. Пусть побегают по полу, разомнутся. Они-то разминались от души. А вот я почти всю ночь не могла спать. Странно, наш папа спал крепким сном, и Олечка спала, сладко посапывая носиком. А я всё прислушивалась к топоту маленьких ножек, к постоянному шуршанию, лазанью зверьков. Измучилась, а не отдохнула за ночь. Утром дочке своей сказала: или ёжики, или мама, выбирай!

Предложила отнести их в соседний сосновый лесок, что растёт на краю села. Кажется, в саду у нас только эти два ночных хулигана и жили. Никто в последующие две ночи погромов у печурки не устраивал.

– Ладно, – согласилась дочка, – не тебя же, мамочка, уводить в сосновый лесок. Лучше уж ёжиков этих. Только понесу их я сама!

Посадила я ежей в холщовую сумочку, дала её Оле.

– Не тяжело?

– Да что ты, мама! Это же не слоны какие-нибудь, а просто маленькие ёжики.

И пошли мы с Олюшкой через всю деревню Николаевку к сосновому лесу. Шли, здоровались с редкими прохожими. И Оля сказала встречным раз и другой:

– А мы вот ёжиков несём. В лесу отпустим на волю.

Дошли до лесочка. Дочка моя аккуратно взяла сумочку за донышко и опрокинула её. На траву выкатились колючие клубочки.

– Раз ёжик, два ёжик, – пересчитала их Оля и добавила: – Живите теперь в лесу. Но если вам будет скучно, приходите, я с вами ещё поиграю.

Ёжики к нам не вернулись. Наверно, в сосновом лесу им не было скучно.

ЛАСКА

В доме завелись мыши. Мы построили дом сами. Шесть лет прожили в нём, ни о каких мышках знать ничего не знали. И вдруг на тебе – мыши. Они возились под полом по ночам. Потом стали грызть в углу доски пола. Видно, надоело им питаться одной сырой картошкой в подполье, и они решили проникнуть в кухню, посмотреть, нельзя ли тут чем поживиться. Может быть, мысли у них были и не такие бессовестные. Может, им просто осточертело тёмное подполье, захотелось взгля-

нуть, что творится наверху, в доме. Как говорится, людей посмотреть, себя показать.

Наконец мыши обнаглели. Они стали вылезать из норы среди белого дня. И если кто-нибудь из нас сидел неподвижно, нахальная мышь шныряла под столом у самых ног. Мыши надоели нам окончательно. Они поднимали под полом такую возню, так носились и пищали, что будили нас по ночам. Кроме того, совершая ночные набеги, они нанесли нам урон: изгрызли шерстяной носок младшей дочери Светы и объели край голенища кожаного сапога старшей, Оли.

Им хотелось чего-нибудь повкусней, и мыши стали прогрызать стенку шкафа, где хранились мука, крупы и макароны.

Самое обидное, что в доме жил кот Филимон Фадеевич. Сначала, правда, было у него нормальное кошачье имя – Васька. Как-то папа сидел в кресле и читал газету. Потом встал, отложил газету и включил телевизор. Вернулся, чтобы сесть в кресло, а на нём уже кот развалился.

– Привет, Филимон Фадеевич, – сказал папа, – вы уже тут как тут. – И прогнал кота.

Девочкам, особенно младшей, Свете, так понравилось это новое диковинное имя, что иначе, как Филимоном Фадеевичем, кота с тех пор не называли. Кажется, надо было раньше начать величать его по имени-отчеству. К такому коту, как наш, – белому, толстому и ленивому – никак не подходило легкомысленное имя Васька.

Надо заметить, что мышей наш кот терпеть не мог, а может быть, просто был к ним равнодушен. Но не охотился на них совершенно, это уж точно. Первое время, когда появились мыши, мы пытались научить Ваську ловить их. Когда какая-нибудь мышь шныряла среди бела дня под столом, мы хватали сонного кота, тащили его в кухню и совали под стол. Он упирался, вырывался из наших рук и ленивой трусцой убегал в комнату, чтобы опять развалиться в мягком кресле.

Однажды в подполье начало твориться что-то совсем непонятное. Казалось, кто-то ударялся о доски пола, потом раздавался отчаянный мышиный писк и обрывался на самой высокой ноте. Этот писк был совсем не таким, когда мыши дрались между собой из-за корочки хлеба или чего-то другого. Это был предсмертный крик ужаса.

– Что они там от голода друг друга есть начали, что ли? – заметил папа.

Жалостливая Света сказала:

– Всю еду прячете, прячете. Жалко вам. Можно уж было оставлять мышкам немного хлеба на полу. Наверно, мы не обеднели бы.

Папа рассмеялся.

– Не хватает начать подкармливать мышей. Их тогда столько разведётся, что они весь дом в труху превратят.

Вскоре как-то незаметно, будто сами собой, мыши исчезли. Они перестали выглядывать из нор и появляться на кухне. И пищать под полом перестали, и не стала попадаться обгрызенная мышами картошка в подполье.

Мышей не стало, но иногда, тихо прошуршав, кто-то живой пробежал под полом. Потом снова кто-то в углу грыз доски пола.

– Опять появились! – сказал с ожесточением папа.

А когда утром обнаружили, что забытая на кухонном столе голова от копчёной рыбины вся изгрызена острыми мелкими зубами, папа совсем рассердился.

– Не хватало ещё, чтобы по столу всякая нечисть бегала. И ведь похоже, что это не мыши. Наверно, крыса.

От этих слов у меня по спине пробежали мурашки. Крыса? Очень я не люблю и, откровенно сказать, боюсь этих пронырливых и прожорливых зверьков с мерзким голым хвостом и маленькими злыми глазками на длинной зубастой морде.

– Ну, всё! – решительно сказал папа. – Я объявляю им войну.

Он принёс новенькую крысоловку-хлопушку, насадил на крючок кусок колбасы и поставил её под стол, к самой стене. Несколько дней простояла крысоловка нетронутой. Колбаса совсем высохла, и папа снял её с крючка.

– Надо было рыбу копчёную положить, – сказала Света. – Раз она голову копчёную объела, значит, рыбу любит.

– Ну что ж, попробуем на рыбу, – согласился с дочкой папа.

В ту же ночь в кухне что-то громко хлопнуло, как выстрелило.

– Попалась! – решил папа и бегом бросился в кухню. Он включил свет, наклонился, чтобы взять крысоловку, и застыл от изумления на месте. Из-под стола стрелой метнулось в угол за холодильник тонкое тельце белоснежного зверька. Папа взял руки крысоловку. Она захлопнулась, прищемив краешек рыбьей шкурки. Я тоже встала и зашла в это время в кухню. Негромко, чтобы не разбудить спящих девочек, спросила:

– Ну, что там?

– Это ласка, – ответил папа. – Вот кто изгнал из нашего дома мышей. У нас поселилась ласка. Теперь ни одна мышь близко не подойдёт к нашему дому. Ну а если подойдёт, тут ей и конец. Ласка – очень умелый охотник. В случае необходимости может вступить в единоборство даже с крысой, хоть сама, наверное, не больше крысы. – Папа ещё раз осмотрел крысоловку. – Хорошо, что кусо-

чек рыбы большой. Она потянула вот тут, за шкурку, и капкан ударил по рыбе, а не по голове ласки. Иначе бы конец. Пусть живёт!

Папа снял с крючка кусочек рыбы и положил под стол. Мы выключили свет и легли спать. Я не могла никак заснуть. «Наестся ласка солёной рыбы, захочет пить. А где она найдёт воду?» Я встала, налила в блюдечко воды, поставила под стол рядом с кусочком рыбы. Да какая ж еда без хлеба? Отрезала кусочек и тоже положила под стол.

В эту ночь осталась еда нетронутой. Видно, ласка здорово испугалась громкого выстрела крысоловки. Но на следующую ночь в кухне послышался шорох. Кто-то грыз подсохший за ночь хлеб. Мне показалось даже – я слышала, как маленькие коготки скребли о край блюдца, когда зверёк пил воду.

С тех пор по вечерам мы стали оставлять под столом в кухне то кусочек сала, то мясо или сыр, забаррикадивав пищу от кота Филимона Фадеевича.

Дочерям моим, Оле и Свете, очень хочется увидеть осторожную ласку. Да и мне, признаться, тоже. Может быть, она привыкнет к нам, поймёт, что ничего плохого мы ей не желаем, и выйдет однажды из норы днём, как выходили осмелевшие мыши. И, может быть, мы приучим её брать корм из наших рук. Мы станем друзьями, и однажды позволит погладить себя этот белый загадочный зверёк с таким славным названием: ласка.

СВЕТА, МУШКА И РЫСЬ

У нас появились новые соседи. Они привезли на машине вещи, и ребята с нашей улицы помогали, а может быть, мешали им, кто как мог. И наша Света вертелась там же. Она забежала домой на минутку, сказала мне:

– Ох, мамочка, какая у них собака! Маленькая-маленькая, белая вся, а возле одного глаза чёрное пятно. И одна лапка чёрная.

А звать её Мушка. Мне бы такую собаку. А то наш Барсик вымахал чуть не со слона. Пока маленький был, я его так любила. А теперь даже погулять не с кем. Выведешь его на поводке, а он как понесётся, и я лечу за ним как угорелая. Мальчишки смеются, говорят: вон опять Барсик Светку прогуливает. Может, я подружусь с Мушкой и буду с ней гулять. Правда, мама?

Света убежала опять, а вернулась вскоре очень грустная. Она подошла к умывальнику и стала лить воду.

– Прекрати, Света, не балуйся, – сказала я ей.

– Я не балуюсь, мне больно, – сказала дочь и пошла в комнату, зажав одной рукой другую.

– Больно? Что там у тебя? – встревожилась я.

– Противная оказалась эта Мушечка, – сказала Света с обидой и слезами в голосе. – Хотела её погладить, а она как цапнула за руку.

– Ну-ка, покажи!

– Да ничего. Просто кожу немного ободрала.

Было ясно: девочке не так больно, как обидно. Конечно, она к Мушке с дружбой, а та – кусаться.

Через несколько дней начался учебный год. Света стала ходить в первый класс. А дорога в школу проходит мимо дома новых соседей, где собачка Мушка живёт. И каждый раз, когда Света проходит мимо, собачонка выскакивает из-под ворот и с тонким визгливым лаем несётся за ней.

Как-то Светланка не выдержала. Она вбежала в дом, прямо на пол у двери поставила портфель и пронеслась к шкафу, сняла с вешалки шубу старшей сестры Оли и надела её.

– Мама, посмотри, похожа я в этой пятнистой шубе на рысь? – спросила она.

– Точная копия рыси, – сказала я убеждённо.

– Мам, а собаки рысей боятся?

– Боятся, наверное.

– Ну всё, Мушечка, берегись! Сейчас как налечу, как напугаю, напугаю. Будешь знать.

Я рассмеялась и ничего не успела сказать, как Света метнулась к двери и пронеслась мимо окон. Очень быстро, минуты через три, под окнами снова мелькнула пятнистая шубка и затем послышался залиvistый лай. Света хлопнула дверью веранды, потом вошла в дом, красная, обиженная чуть не до слёз.

– Собака какая-то ненормальная, – сказала мне дочь. – Рысей, наверно, сроду не видела. Кинулась на меня, как бешеная. – Света сняла Олину шубу. – Мама, ты посоветуй, как мне проучить эту дрянь.

– Убери на место портфель и шубу. И вынеси Мушке кусочек колбасы.

– Колбасы? – удивилась Света.

Дочь моя долго не возвращалась с улицы. А потом открыла дверь и, сияющая, остановилась на пороге. На руках она держала маленькую собачку. На одном глазу – тёмное пятно, и передняя лапка чёрная.

– Мама, мы подружились, – сказала Света. – Мушка теперь полюбила меня. Ладно, мы пойдём, а то она тебя стесняется.

Вечером всё стихает в доме. Спят мои доченьки, и я ложусь. Засыпая, вижу, как легко выпрыгивает из шкафа пушистая пятнистая рысь, беззвучно взбирается на мою кровать, ложится в ногах и сонно мурлычет.

Открываю глаза. Это опять наш кот, свернувшись калачиком, лежит на одеяле. Никак не отучу его от дурной привычки.

Света тихонько смеётся во сне. Может быть, ей тоже снится укрощённая рысь...

РЫЖЕНЬКАЯ ШАЛУНЬЯ

Утром я устроилась с удочкой на берегу довольно широкой заводи, которая образовалась перед поворотом речки Берёзовой. Течения в заводи почти не чувствовалось, не то что на середине реки.

Вода здесь медленно кружилась, казалось, на месте, поплавок удочки у берега даже относил назад, к моим ногам. И требовалось точно вымерять глубину от поверхности воды до грузила, чтобы крючок с наживкой находился там, куда по воле рыбака был заброшен.

По опыту я знала, что именно на такой вот «обратной» воде любит кормиться рыба. Вот и в это утро здесь охотно брали наживку – вёрткого некрупного дождевого червя – то черноспин-

ные увесистые пескари, то стремительные сорожки и окуни, то медлительные караси.

Уходить с добычливого места я не собиралась, но сделать это меня вынудило солнце. Поутру оно низко стояло над землёй, и его прикрывали макушки деревьев, которые росли на противоположном берегу. Но в течение полутора часов солнышко поднялось над лесом и, ослепляя, стало светить мне в глаза.

Я огляделась в поисках более подходящего места и, кажется, нашла его. Правее, неподалёку от меня, на берегу росла раз-

весистая сосна. Нижние её ветки были обрублены какими-то, должно быть, такими же рыбаками, как я. То ли для костра, то ли для удобства в рыбалке, чтобы при закидывании удочки не цеплялась за ветки леска с крючком.

Широкая крона сосны из верхних ярусов веток образовала роскошный шатёр, прикрывающий любого желающего от палящих и ослепляющих солнечных лучей. Неизвестно только было, будет ли и здесь, в тени сосны, продолжаться рыбий клёв.

Постояла я недолго с удочкой под сосной и вытянула тяжёлого золотистого карася. Есть клёв! И солнце не мешает рыбалке... Только вдруг послышался у меня над головой какой-то шорох, кто-то живой орудовал в ветвях. Птица? Я подняла голову, осмотрела ветки и никого не приметила в них.

Опять сосредоточила внимание на поплавке. Он ожил, шевельнулся, стремительно ушёл под воду. Подсекла, и яркий красавец окунёк затрепетал на леске. Так заглотнул крючок, что я с трудом извлекла его изо рта полосатика.

А в ветвях – опять шевеление. И вдруг прошуршало что-то по хвое и ощутимо щёлкнуло меня по макушке. Хорошо, что защитила мою голову кепка с козырьком. На утопанный и покрытый старой хвоей берег шлёпнулась плотная сосновая шишка. Так вот он – боевой снаряд. А снайпер кто?

Опять подняла я лицо кверху и увидела, как по толстой ветке бесшумно скользнул к стволу рыжий пушистый зверёк. Белка! Она исчезла на мгновение за толстым стволом сосны, но тут же показалась любопытная мордочка с блестящими бусинками чёрных глаз. Тельце находилось за деревом, а подвижная головка с ушами-кисточками крутилась на шее туда-сюда, а то опять наклонялась вниз, ко мне. Так мы изучали друг друга. Ну, кто кого пересмотрит?

В это время у меня в руке сильно дрогнула удочка. Ах, ты! Прозевала поклёвку. Запоздало взмахнула удилищем, и просвистела в воздухе обидно-лёгонькая леска. Ну её, эту белку! Пусть себе делает, что хочет. А мне не за ней, за поплавком следить надо.

Прошло какое-то время. И тут – в это было почти невозможно поверить, но опять прошелестела в хвое и упала мне на голову сосновая шишка. Да что ж это такое?! Она что, белка эта, специально, что ли, целится мне в голову?

Я погрозила сосне пальцем и сделала два шага в сторону – надоело получать шишки в подарок.

Что-то клёв совсем разладился. Поднялся ветерок, на воду набежала рябь, а на небо – тучки. Теперь можно и без тени сосны обойтись. Можно и место поуловистее поискать, попробовать на перекате «подсидеть» хариуса... И тут огрела меня очередная шишка, на этот раз по плечу. Я в недоумении уставилась на крону сосны, пытаюсь разглядеть рыжую нахалку. Ну, точно, сидит на ветке опять над моей головой и даже не пытается спрятаться. Вот сделала стойку на задних лапках, вот опустилась на все четыре и закрутила головой в разные стороны.

Шишку высматривает поувесистей, подумалось мне. Ведь на метр отошла я в сторону от прежнего места, и она переместилась за мной. Интересно, что это: желание поиграть с живым существом или атака на непрошенного гостя? Ответить на этот вопрос я не смогла. Собрала удочку, подхватила садок, в котором плескалось десятка два рыб разного размера и достоинства, и подалась на перекат. Ну её, эту забияку рыжую.

ЗАЙЧОНОК

О встрече с маленьким зайчонком я в детстве мечтала, когда мама брала меня в ближний лесок за грибами. Попадётся объединенный кем-то, со следами зубов, подосиновик, мама скажет: это зайчик пообедал. И я размечтаюсь: хорошо бы увидеть живого зайчонка, а ещё лучше – поймать его, домой принести, подружиться с ним. Чтобы вырос и стал совсем ручным, чтобы можно было гладить его по шёрстке, гулять с ним по улице, как с собачкой.

Живого зайчонка я поймала много лет спустя, когда моей

дочке было лет семь, столько же, сколько было мне, когда о зайчишке мечтала.

Собирала я в лесу грибы, тоже подосиновики, и вдруг увидела его – крохотного, восхитительно-хорошенького, пёстренького, пушистого, большеухого, большеглазого. Дома мы держали кроликов. Они тоже были милыми созданиями. Но зайчонок ни в какое сравнение с ними не шёл – был он ошеломляюще прекрасен.

Сердце моё затрепетало от восторга. Вспомнились детские мечты о зайчонке. Я не устояла перед соблазном – наклонилась и молниеносно накрыла малыша ладонями. Он сильно дёрнулся всем тельцем и пронзительно закричал, совсем как маленький ребёнок. Я поднесла этот тёплый живой комочек к лицу и прикоснулась губами к мордочке малыша.

Почему он один? Где его мать или хотя бы сёстры и братья? Нет, нельзя оставлять малыша, решила я. Погибнет один. Мало ли врагов у такого несмышлёныша: лисица, коршун, сова... Всякий может обидеть такую кроху.

Стянула я с головы платок, завернула в него зайчишку, пристроила свёрток в корзинке, наполовину заполненной грибами, и поспешила домой.

Беспокоила меня мысль: а обойдётся ли малыш без материнского молока, достаточно ли подрос для того, чтобы питаться самостоятельно? Дома посадила пушистика в глубокую картонную коробку, положила в неё пучок травы, листья одуванчика и ломтики морковки. Малыш, подпрыгивая, обследовал своё новое жилище, поводя чуткими ноздрями, обнюхал предложенную ему еду и вдруг принялся грызть тонкий пластик моркови. Оранжевая полоска овоща так и таяла на моих глазах. Всё хорошо! Раз умеет самостоятельно есть, значит, будет жить малыш.

Моя дочка, как и я, пришла в умиление от зайчонка. Она могла, кажется, часами сидеть над коробкой и любоваться этим пушистым чудом. Так прошло пять дней. Просто не верилось, но наш зайчонок за такое короткое время заметно подрос. А что удивляться? Он сидел себе в коробке и почти беспрестанно что-нибудь жевал.

Наш папа посоветовал давать малышу тонкие веточки осины с листочками, сказал, что это излюбленная пища зайцев в лесу. И точно: предложенный ему горький осиновый веничек Пушок вскоре основательно изгрыз.

Чувствовалось, что коробка становится нашему малышу тесной. Ему нужен был простор, чтобы двигаться, бегать. Несколько раз уже пытался Пушок выпрыгнуть из своей «избушки». Пришлось затянуть коробку сеткой из-под лука. Но в то же время я искала выход: как быть с приёмышем дальше? Надумала, но поделилась своими соображениями с мужем:

– Как ты думаешь, нельзя ли поместить зайчишку вместе с кроликами, которых мы от матери-крольчихи отсадили?

– Можно попробовать, – согласился со мной муж.

И вот мы втроём: папа, наша дочка Оля и я понесли коробку с Пушком во двор, к маленькому сарайчику, где вольно, без клеток, жили маленькие крольчата, которые, как и зайчонок, только-только научились самостоятельно питаться.

Занесли коробку в загон, отгороженный досками от входной двери, и отпустили зайчишку. Он стремглав, прыжками, пересёк загон раз, другой, потом смешался с группой крольчат и затих, прижав уши к спине. Мы постояли, постояли, понаблюдали. Никто никого в загоне не обижал. Еды было у ушастиков вдоволь, поилки с водой тоже имелись.

– Пойдёмте, – позвал нас папа. – Всё нормально, привыкнет.

И мы пошли домой. Но в течение дня раз десять, наверно, навевывались в сарайчик, чтобы посмотреть, всё ли там в порядке. Зря беспокоились. Ужился Пушок с крольчатами действительно нормально.

Прошло четыре месяца. Заметно подросли, стали почти взрослыми молодые кролики. И Пушок не отстал от них в росте. Но по виду он сильно отличался от своих домашних собратьев. Был тоньше их, стройнее, если можно так выразиться, а ещё – более длинноногим.

В начале ноября произошла с нашим зайцем неожиданная перемена. На улице выпал обильный снег. Утром, войдя в сарай, я увидела вдруг, что Пушок как будто поседел. Внезапно, за одну ночь, поменял серую окраску на почти белую. Такое превращение поразило меня. Я, конечно, с детских лет знала, что зайцы линяют, с приходом зимы из серых становятся белыми. Но я-то думала, что процесс этот длительный. Линяя, думала я, сбрасывает заяц с себя серый мех, как линяют, скажем, собаки. А под старым серым мехом подрастает, думала я, новый – короткий, густой, белый.

Но чтобы вот так, без всякой настоящей линьки взять да и перекраситься за одну ночь в белый цвет вместе с выпавшим снегом. Это было для меня открытием.

Я с грустью смотрела на Пушка, как по-прежнему сторонился он кроликов, держался по возможности от них особняком. Часто делал стойку, принюхивался к новым запахам, может быть – к запаху снега, прислушивался к чему-то, поводя своими большими ушами. Потом делал вдруг прыжок в сторону, в другую, пугая кроликов.

Нет, не стал ручным в неволе зайчонок. Не нужны ему наши ласки, не сделать из него послушной собачки на поводке... Всё чаще и чаще думала я о том, что пора выпустить Пушка на волю. К осиновым веткам и коре мы его с раннего детского возраста приучили, так что без пищи в лесу не останется. Подружится, поди, с другими зайцами. Их повадки ему, должно быть, понятней и ближе, чем кроличьи.

Поделилась я своими мыслями с дочкой и папой.

– Жалко Пушка, – тихо сказала Оля.

– Поэтому и надо отпустить, что жалко – твёрдо заметил папа. – И вообще, никого никогда не надо брать из леса домой. Вас об этом никто не просит. Поняли?

– Поняли, – сказала я. – Больше не будем так делать.

В папин выходной мы поймали Пушка, посадили его в мешок и поехали на нашей «Ниве» за город, в лес. Папа вёл машину по трассе и всё поглядывал по сторонам. Наконец затормозил, остановил машину.

– Вон, видите, следы?

Мы с дочкой присмотрелись и увидели на рыхлом белом снегу цепочки заячьих следов: две ямки маленькие – от передних лап, две – большие, от задних. Дорожки следов тянулись вдоль трассы, сворачивали в сторону, огибали кусты и деревца.

– Давайте свой мешок! – скомандовал папа.

Мы с Олечкой наблюдали, как папа развязал мешок, приоткрыл его, слегка встряхнул. Пушок вывалился на снег, присел, прижав уши к спине. Папа тронул его рукой, засмеялся.

– Ну, чего ты? Беги, пока мы не раздумали. А не то опять в мешок посажу.

Пушок всё понял, сделал сильный прыжок в одну сторону, в другую, как умел делать только он, и, петляя, понёсся к лесу.

– Такой не пропадёт, – сказал папа, включил мотор, развернул «Ниву», и покатали мы домой, к своим ручным кроликам.

С тех пор мы никогда не пытались ловить и приручать зайчат, хотя не раз ещё доводилось встречать их в лесу.

НАШ МАЛЫШ

У нас в доме почти одновременно появилось двое малышей. Один, вернее, одна из них – это наша дочка Светочка. На свет она явилась осенью, в конце сентября. И именно тогда же, в один из дождливых дней этого месяца, мы нашли под дверями нашего дома мокрого, жалкого, очень маленького и худого котёнка. То ли подбросили его нам люди добрые, то ли сам приковылял этот малыш к нашему крыльцу, было неизвестно. Но, обнаружив его, мы со старшей нашей дочкой Оленькой тут же решили приютить несчастного малыша. Над кличкой для него долго раздумывать не стали, так и назвали котёнка: Малыш.

Первым делом устроили найдёнышу тёплую ванну с детским шампунем. Ополоснули бедняжку чистой водичкой, завернули в старенькое махровое полотенце. Для просушки.

Котёнок жалобно мяукал и широко разевал розовый рот, показывая нам очень мелкие, но уже острые зубки. Было ясно, что Малыш голоден и таким образом просит есть. Слегка обсушив малютку, принялись его кормить. Налили в блюдечко слегка подогретого молока, ткнули котёнка мордочкой в блюдце. Сначала он громко чихнул, разбрызгивая молоко. Видно, попало оно Малышу в ноздри. А потом, к нашей с Олей радости, принялся жадно лакать молоко, да так умело, будто занимался подобным делом не впервые. А может быть, так оно и было, как знать.

Когда наш приёмыш наелся и совсем обсох, он сразу перестал казаться жалким и худым – потяжелел, округлился. Заблес-

тела, распушилась его чистая густая шёрстка. В общем, наш ещё недавно «гадкий утёнок», то есть гадкий котёнок, превратился в очень милое, просто очаровательное существо. Оказался Малыш чёрным, но с белой грудкой и белым животиком. Нижняя часть лапок и кончик хвоста тоже были белыми. Когда он был мокрым и грязным, никакой белизны в нём мы и не заметили.

Пока главный малыш нашего дома, наша Светочка, спала в своей кроватке, мы с пятилетней Олей принялись готовить гнёздышко для котёнка. Постелили ему постельку в старой плетёной корзине. И он, немного повозившись, свернулся в клубочек и заснул, чем привёл нас в умиление. Надо же, такая кроха, а уже такой сообразительный!

Вот и зажила наша дружная семья впятером: мама, папа, две девочки и Малыш. За зиму котёнок превратился в молодого, сильного и красивого кота. А весной удивил и порадовал своих

хозяев тем, что совершенно самостоятельно, по своей доброй кошачьей воле, поймал в палисаднике полевую мышь.

Мыши очень досаждали нам тем, что портили зимой саженцы яблонь, посадки малины и клубники, а летом подгрызали в огороде клубни картофеля и морковь. И конечно, когда Малыш прошествовал на крыльцо со своей первой добычей в зубах и положил её к ногам хозяйки, к моим ногам, мы все были готовы аплодировать герою-охотнику.

Интересно то, что мыши для Малыша пищевой ценности не представляли. Есть их он даже не пытался. Просто ловил, иногда часами подкарауливая свою добычу, в ловком прыжке хватал, душил и приносил домой – показать людям, похвастаться добычей. И всегда получал при этом свою порцию ласки в виде поглаживания и добрых слов. Потершись о наши ноги, азартный охотник вновь спешил в садик или огород выслеживать очередную жертву.

Всё бы ничего, но подросла наша Светочка, в неполные девять месяцев уже начала делать первые шаги. А уж на четвереньках передвигалась по дому почти стремительно. И любимейшей её игрушкой стал бедный Малыш. Наша девочка, пыхтя от напряжения, бесцеремонно вытаскивала его, полусонного, из уютной корзины, находила под столом или в углу, куда он пытался сбежать от Светульки.

Задыхаясь от радости, малышка просто терзала несчастного котикшу. Доставалось и его шкуре, и хвосту. Она даже пыталась пробовать хвост на вкус. Котик вырывался из цепких Светиных рук и спасался бегством. А я бросалась к дочке отмывать её ладошки от чёрного кошачьего пуха, чтобы не затащила его малышка в рот. И такое с ней бывало, стоило взрослым зазеваться.

А тут к нашей соседке бабе Поле приехали на своей машине из города гости – взрослый сын соседки с женой и дочкой-школьницей. Эта девочка, Таня, сильно привязалась к нашему Малышу. Приходила, садилась на ступеньку крыльца, подзывала

Малыша, усаживала к себе на колени, гладила его, разговаривала с ним и баюкала, как ребёнка.

Когда гости соседки собрались ехать домой, Таня с мамой заглянули к нам попрощаться и стали упрашивать меня отдать им Малыша. Сначала я отказала им. Девочка со слезами продолжала канючить:

– Ну, тётя Люда, ну пожалуйста! Хотя на время, хоть на неделю. А мы потом привезём его назад, если вы будете требовать.

– Подумайте, – включилась в разговор Танина мама, – у вас маленький ребёнок. Нахватается от кота бог знает чего – блох там или глистов.

– Да нет у нашего Малыша ничего такого! – вступилась я за нашего всеобщего любимца.

А сама вспомнила Светины ладошки в кошачьей шерсти и решила: пусть забирают, пожалуй. Надоело мне гоняться по дому за доченькой и спасать от её любящих ручек несчастного кота. Согласилась наконец. И счастливая Таня, прижав к себе покорного Малыша, уселась на заднее сиденье папиных «Жигулей». Покатили соседкины родственники в свой городок, который находился в шестидесяти километрах от села Николаевки, где мы жили.

Первой хватилась пропажи своей любимой пушистой игрушки наша Света. Она обшарила все углы дома, заглядывала под столы и кровати, потом вопросительно смотрела на меня, разводила в стороны ручки и в недоумении гудела, вытянув губы:

– У-у...

Я понимала дочку. Это она говорила мне: нет нигде Малыша. Куда подевали? Отдайте по-хорошему!

Ей можно было ничего не объяснять. Всё равно не поймёт пока. С Олей было сложнее. Ей пришлось говорить о том, что нельзя держать в доме животных, пока в нём находится маленький ребёнок. И ещё – утешать старшую дочку тем, что у новых хозяев Малышу будет лучше, там его никто не будет таскать за хвост.

Папа наш тоже выразил мне своё неудовольствие тем, что отдала чужим людям нашего знаменитого охотника.

– Подожди, разведётся в огороде столько мышей, что не раз вспомнишь своего кота. Смотрите-ка, помешал он ей.

В общем, я почувствовала себя со всех сторон виноватой. И не хватало мне Малыша тоже. Никто не ходит следом и не мяукает. И о ноги никто не трётся. И корзинка с постелькой стоит на веранде пустая. И мышей никто к моим ногам не приносит... Ходила я по дому и тайком от близких то и дело вздыхала о Малыше. Продолжалось такое целых три дня. Почему именно три? А потому, что когда утром четвёртого дня после отъезда бабы-Полиных гостей я вышла из дома на крыльцо, то едва не наступила на... Малыша. Он лежал на досках крыльца и лизал свои лапки. Поднял голову, посмотрел на меня с осуждением своими круглыми зелёными глазищами и опять принялся вылизывать распухшие, натруженные подушечки своих лапок.

Я ахнула, присела на корточки, принялась гладить своего котика, приговаривая:

– Ничего себе! Как же это? Бедняжка, бедняжка. Как ты до дома добрался? За шестьдесят километров... Малыш, бедненький.

Вышел наш папа, присвистнул.

– Пришёл?! Надо же! И не стыдно тебе перед животным? – спросил муженёк меня.

– Стыдно, – сказала я покаянно. – Очень стыдно. Смотри, он все лапки сбил.

– Ничего, заживёт, как на собаке, – пожалел муж, смягчившись, меня.

То-то радовались наши дочки, когда проснулись и увидели своего любимого пушистого друга. Малыш-черныш навсегда остался жить в нашей семье. Больше мы никому не отдавали нашего преданного, умного кота.

ЛАСТОЧКИН ДОМ

Мы купили дом в деревне. Мечтали давно всей семьёй о таком – большом, деревянном, уютном, с русской печкой, с чердаком и подпольем, с окнами на лес и речку... И вот всё это у нас есть.

Деревня Низовка, которая нам так приглянулась, была вообще-то из числа «умирающих» деревень. Не было здесь ни магазина, ни клуба, ни школы. Весь набор очагов культуры и быта – километрах в трёх, в большом селе Таловка. Сюда же, в Таловку, перебралось и большинство жителей Низовки.

Люди молодые, при силе, разобрали свои низовские дома и перевезли их на новое место, где и построили новое жильё. А старики, которым заниматься строительством было не под силу, продали свои старые избы таким же, как мы, горожанам – под дачи и огороды, а сами прикупили недорогие избышки в Таловке.

Как нам нравился приобретённый дом – добротный, рубленый из толстых брёвен, под тесовой крышей и с большими, в отличие от других деревенских изб, окнами.

Мы с удовольствием занялись ремонтом дома: подмазали печь и стены, отскоблили от старого набега подшивные потолки, покрасили окна, полы, двери, побелили потолки и стены. Дом помолодел, преобразился до неузнаваемости. А ещё наш папа покрыл прохудившуюся местами тесовую крышу новым рубероидом. И ещё – построил замечательную баньку.

Приезжать в Низовку было для нас большим удовольствием. Здесь мы рыбачили на речке Яе, до которой было от нашего дома рукой подать. Летом собирали в лесу, окружавшем Низовку со всех сторон, грибы и ягоды. Осенью били шишки, запасались на зиму кедровыми орешками. Попутно – возились в огороде, собирали невиданные урожаи овощей. И немудрено: земля в здешних огородах была очень плодородной из-за постоянно вносимых в неё прежними хозяевами природных удобрений. Ведь все жите-

ли Низовки держали много скотины. Даже и теперь мы каждый раз, приезжая сюда, покупали у старушек, доживающих свой век в родной деревне, свежие яйца и парное молоко.

Мы завезли в наш дом старую, но ещё добротную мебель: три кровати, два стола, стулья, шкаф и даже чёрно-белый, с большим экраном, телевизор. Только когда отдохнув здесь, усаживались в свою «Ниву», наш папа, я, две наши уже большие дочери и маленькая внучка Ирочка, делалось нам немного грустно от того, что опять на долгую рабочую неделю остаётся наш добрый дом один-одинёшенек, с тишиной трёх комнат, остывшей печкой, в ожидании нашего приезда. Четырёхлетняя Ирочка вздыхала и говорила:

— Хоть бы кто-нибудь тут жил, хоть бы кошка какая-нибудь или собака, всё дому было бы веселее.

Мы, взрослые, улыбались невесело и молчали, не спрашивать же Иришку: а кошку или собаку оставлять тут не жалко?

Это случилось в один из наших приездов в Низовку весной, в мае. Когда мы сняли замок и распахнули дверь в длинные полутёмные сени, впуская в них солнечный свет, что-то показалось нам необычным. Какое-то лёгкое шуршание, какой-то посвист послышался в конце коридора. И вдруг, едва не задевая наши головы, пронеслась над нами какая-то птица и вылетела через распахнутую дверь на улицу.

– Ух, напугала! – сказала со смехом наша старшая дочь Оля, Ирочкина мама. – Кто это?

– Ласточка, – пояснил папа. – Неужели устроила гнездо в нашем доме? Только где, в сенях или на чердаке?

Мы двинулись в глубь коридора, в его самый тёмный конец, и стали внимательно рассматривать стены и потолок сеней.

– Ну, точно, – сказал папа. – Вон, видите, в углу под потолком круглый глиняный домик. Ласточкино гнездо. Надо же смастерить такое чудо!

– Испугалась нас птичка, улетела, – сказала, насупившись, Ира.

И тут опять мы услышали то же шуршание в гнезде и увидели, как шевельнулась в его отверстии маленькая круглая головка с острым клювиком.

– Улетел на охоту за комарами и мухами отец, а мама-ласточка сидит на яичках, птенцов высиживает. Пойдёмте в дом, не будем им мешать, – сказал Ире дед.

Мы принялись наводить в доме порядок: протёрли влажной тряпкой пыль во всех трёх комнатах, вымыли полы, затопили печку – для тепла и уюта. Проверили, работает ли ещё старый телевизор. Он работал, но мы его тут же выключили. В городе смотреть телепередачи надоело. А тут дела поинтереснее найдутся. Решили прогуляться на речку, посмотреть, скоро ли войдёт она в свои берега. Вот когда это произойдёт, можно будет начинать рыбачить...

Когда выходили из дома, мимо нас стремительно, как мол-

ния, опять пронеслась ласточка, только уже в обратном направлении – с улицы к гнезду.

– Смелая какая, – сказала Света. – Совсем не боится людей.

– Боится, – вступила в разговор я. – Только выхода у неё нет.

Приходится рисковать.

– Это точно, – согласился со мной наш папа и мой дорогой муж Валентин, – выхода у них нет. А надо этот выход им дать.

– О чём ты? – не поняла я.

– Сейчас увидишь. – Валентин вернулся в дом и вышел из него с ножовкой. – Пойдёмте, – позвал он всех нас.

Мы вышли из сеней, обогнули дом с огорода. Наш мужчина деловито подошёл к дощатой стене сеней с той стороны, где находилось ласточкино гнездо, и принялся концом ножовки пилить доску стены почти под самым карнизом. Вскоре под умелыми руками нашего папы в стене появилось небольшое отверстие размером с два спичечных коробка.

– Ну, а теперь идёмте, проверим, что из этого получилось.

Мы опять вернулись в сени, но теперь закрыли за собой дверь и стали ждать. Вскоре послышался еле уловимый шелест крыльев. Ласточка от гнезда летела на нас, к оконной фрамуге, где недоставало одного стёклышка. Это отверстие и служило дверцей для птиц. Но Валентин не дал птичке воспользоваться привычной для неё «дверью». Он взмахнул рукой, ласточка круто развернулась, взмыла под крышу, полетела в дальний конец коридора, к гнезду... А немного погода заслонила на миг светящиеся, прорезанное в стене отверстие, вылетела через него на улицу.

– Ну вот, всё в порядке, – сказал папа. – Теперь у них есть безопасный выход.

– А вход? – спросила осторожно Ира.

– И вход, конечно, – рассмеялся Ирин дед.

Мы ещё постояли, подождали: будет ли этот «вход»? И опять солнечный свет в крошечном оконце закрыла на миг тень ласточки, и она исчезла в своём гнезде.

– Умная, – сказала Ира о ласточке.

Мы хорошо провели день на «фазенде». Сходили на речку, полюбовались там на двух диких уток-чирков, которые безбоязненно плавали вдоль берега под нависшими над водой ветками ивы. Потом подчистили граблями огород от всякого мусора. Потом приготовили на нашей русской печке обед – картошку с тушёной и чай со смородиновым листом. Такими вкусными, как в Низовке, в городе обеды никогда не бывали.

А потом, ближе к вечеру, опять сели в машину. Пора было ехать в другой дом, в городской.

– А мы когда теперь в ласточкин дом ещё приедем? – спросила Ира. Мы все рассмеялись.

– Ласточкин дом?

– Ну конечно, – оживлённо сказала наша девочка. – Теперь уже дом не один, ему не скучно. У него хозяева теперь есть – эти ласточки. Вот и получается – ласточкин дом.

ЖУЛЬКА

Когда я поднималась по ступенькам крыльца небольшого продуктового магазинчика, дорогу мне преградила собака. Скорее, даже не собака, а собачка, маленькая, чуть больше взрослой кошки, чёрная, с острыми стоячими ушками и острой длинной мордочкой. Вся чёрная, только над живыми блестящими глазами по рыжему пятнышку – «брови».

Я сказала: преградила дорогу. Но никакой агрессии или даже небольшой угрозы в собачке не было. Напротив, она просто излучала добродушие и веселье: смешно шевелила ушами, помахивала пушистым хвостом и, как мне казалось, улыбалась глазами, губами, приоткрыв слегка в «улыбке» рот и обнажив белые зубы.

– Ты чья же такая симпатичная? – спросила я у собачки.

Она ничего мне не ответила, но ещё энергичнее заработала хвостиком. Я обогнула её и вошла в магазин. Купила, что требовалось, вышла на крыльцо. Собачка, казалось, ждала только меня.

Бросилась к моим ногам, всем своим видом выказывая буйную радость, даже на задние лапки встала, положив передние на мою сумку. Деликатная какая – не на юбку, а на кожаную сумку.

– Есть хочешь? – догадалась я и отщипнула кусочек белого батона, бросила собачке. Она внимательно посмотрела на меня, наклонив голову набок и приподняв одно ухо выше другого, но есть не спешила.

– Ешь, – опять сказала я ей. – Или не голодная?

Я отправилась домой, а собачка, помедлив, взяла в зубы кусочек батона и припустила за мной. Я оглядывалась на неё и посмеивалась, а она, кажется, радовалась каждой моей улыбке, каждому взгляду и широко улыбалась мне в ответ, не выпуская хлеб изо рта.

– Смешная ты, – сказала я ей и вошла в калитку своего дома.

Мою новую знакомую это ничуть не смутило. Она вбежала за мной во двор, даже опередила меня. Сунулась туда-сюда, нашла у решетчатой ограды укромное местечко и принялась быстро рыть передними лапками ямку в земле. Вырыла её глубиной сантиметров в десять, положила корочку хлеба аккуратно на дно и загребла землёй.

– Ой, какая ты хозяйственная, запасливая! – похвалила я собачку, и она в ответ радостно закрутилась вокруг меня волчком. – Вот юла, – умилилась я. – Юлька?.. Нет, не годится. Это имя человеческое. Жулька – другое дело. Хочешь быть Жулькой? Жулька, Жулька, – позвала я, – ко мне! – и хлопнула себя по коленке.

Что тут случилось с собачкой! Она сорвалась с места, сделала вокруг меня три круга, весело и звонко залаяла и кинулась ко мне с объятиями. То есть обхватила мою ногу передними лапками, запрокинула голову, разинула рот до ушей и бешено заколотила хвостом по земле. Я поняла: это было настоящее признание в любви. Сердце моё было окончательно покорено Жулькой. Так она осталась жить у нас.

Я сама сделала ей из большого фанерного ящика конуру. Внутри постелила старую курточку младшей дочери, а снаружи обила сначала толстым войлоком, а по нему ещё старой клеёнкой.

Жулька охотно залезла в предложенный ей новый домик, повозилась там, поскребла зачем-то подстилку, потом улеглась, положив мордочку на вытянутые лапки, и высунула наружу в круглое отверстие – дверь конуры – свой любопытный нос.

– Нравится домик? Умница.

В ответ на мои слова Жулька выскочила из конуры и устроила вокруг меня танец радости. Тут в гости ко мне пришла наша пятилетняя внучка Ирочка и попросила, чтобы я надела на Жульку ременной поводок с ошейником. Очень захотелось Ире погулять с собачкой.

Я надела на собачку ошейник, пристегнула поводок. Думала, будет возражать Жулька, сопротивляться. Нет, очень славно

прогулялись обе девочки, всласть набегались по поляне перед нашим домом.

Но сидеть на цепочке, прикреплённой к конуре, Жулька наотрез отказалась. Стоило нам двинуться к дому, она натянула цепочку и испустила такой противный вой, что я тут же сняла с неё ошейник. И мир был восстановлен.

Одно меня тяготило: куда бы я ни пошла – в магазин, на работу, в гости – Жулька непременно тащилась следом. Я делала вид, что сержусь на неё, оборачивалась, топала ногой, строгим голосом приказывала:

– Жулька, домой!

Она всё понимала. Тут же виновато щурилась, поджимала хвост, разворачивалась на сто восемьдесят градусов и мелкой трусцой бежала к дому. Но стоило мне отвернуться от неё, чтобы продолжить свой путь, срывалась с места и стремглав неслась за мной следом. В конце концов я была вынуждена смириться с её постоянным присутствием, этим её сопровождением, куда бы я ни шла. У магазина она ждала на крыльце, пока я делала покупки. В гостях терпеливо сидела у дверей дома. А на моей работе высиживала у входа в здание весь рабочий день, долгие девять часов. Мои сотрудники привязались к собачонке, выносили ей что-нибудь вкусное: то кусок беляша, то ломтик колбасы или конфету. Жулька никогда не набрасывалась на еду. Тщательно её обнюхивала, трогала носом, потом не спеша и деликатно принималась есть.

Как-то мы с Жулькой стояли в длинной очереди к летней торговой палатке, куда завезли редкие по тем временам для нашей Сибири крупные красные помидоры. Стояли долго на июльской жаре под палящим солнцем. Жулька разинула рот, высунула длинный розовый язык. Видно было, что ей, как и мне, очень хочется пить. Но воды поблизости не было.

И тут к очереди подошёл молодой человек. В руке он держал вафельный стаканчик с мороженым. Начал его, на зависть всем, кто стоял в очереди, с аппетитом уплетать. И вдруг заметил мою

несчастную Жульку. Шагнул к ней, присел на корточки, ласковым голосом сказал:

– Какая милашка. Жарко? Хочешь пить? Ну на, лопай! – И поставил половинку стаканчика перед собачьей мордочкой.

Жулька потянулась было к лакомству, но облизнулась и приняла прежнюю позу, не притронувшись к подачке.

– Ну, ёлки-палки, – возмутился парень. – Ты чо не лопаешь? Стесняешься или заелась?

– Да нет, – заступилась я за свою любимицу, – она у нас просто очень воспитанная. – И разрешила Жульке: – Можно, Жуля, ешь!

Собачка оживилась, встала на все четыре лапки и принялась длинным своим язычком вылизывать из стаканчика подтаявшее мороженое. Вся очередь оживилась тоже.

– Глянь-ка, какая умница. Породистая, наверно, – просюсюкала какая-то бабуся.

– Очень породистая, – важно, с видом знатока произнёс парень. – Это австралийская такса.

– Таксу я знаю, – не согласилась с ним другая старушка. – Такса у моего сына жила, она совсем не такая.

– Ну, правильно, – выкрутился паренёк, – у сына, поди, русская такса была, а эта, я же говорю, авст-ра-лий-ская.

– А-а, – закивали понимающе головами старушки.

Тут подошла наша с Жулькой очередь. Купили мы с ней пять кило помидоров и отправились домой.

Вскоре произошёл у нас с ней случай, который стоил мне нервов. На улице, когда я с Жулькой и внучкой Ирочкой направлялась куда-то по делам, молодая незнакомая женщина вдруг преградила нам путь.

– Ой, – воскликнула она удивлённо, уставившись на нашу Жульку, – нашлась! – И закричала призывно: – Аришка, Аришка, иди ко мне!

Я вопросительным взглядом посмотрела на собачку. Та вздрогнула, а потом кинулась, нет, не к женщине, призывающей

её, а ко мне. Жулька прижалась к моей ноге, и я почувствовала, как задрожало её маленькое тельце.

Тут Ирочка весело воскликнула:

– Нет, тётя, вы ошиблись. Никакая это не Аришка. Нашу собачку Жулькой зовут!

Жулька тем временем оскалила свои острые зубки и зарычала на женщину.

– Жулька? – переспросила озадаченно тётенька. – Надо же, а так на нашу Аришку похожа как две капли воды. Такая же собачонка у нас была, месяца три как пропала. Убежала из дома и всё, как сгинула.

– Ну, не знаю, – сказала я не очень дружелюбно. – Извините, нам некогда.

И шумная женщина пошла своей дорогой, а мы втроём – своей. Причём как только эта притязательница на чужую собаку отдалась от нас метров на десять, Жулька выдала такой танец радости, принялась на свой лад так крутиться у наших ног, что пришлось остановиться опять на некоторое время, погладить её и утихомирить.

– Да, Ирочка, – сказала я внучке, – похоже, что эта тётя действительно бывшая хозяйка Жульки. Ведь живёт она у нас и правда три месяца. Но, наверно, чем-то сильно обидели Жулечку прежние хозяева. Видела, как она испугалась тётечку, как зарычала на неё? Теперь Жулька сама себе хозяев выбрала. И не отдадим мы своё сокровище никогда, никому.

– Никому, никогда, – повторила Ирочка, лаская собачку.

В конце августа я собирала перезревшую смородину в своём садике. Через приоткрытую калитку в сад проникла со двора Жулька и понеслась ко мне, минуя кусты и цветочные клумбы. Она села рядом со мной на задние лапки, подняла мордочку кверху и заскулила.

– Ты чего, маленькая? – спросила я и, поставив ведро с ягодой на землю, присела на корточки.

Собачка, поскуливая, разинула рот и вывесила свой длинный язычок. По нему стекала и капала на землю кровавая слюна.

– Что такое? – всполошилась я.

Жулька несколько раз дёрнула головой, поворачиваясь ко мне правой стороной. Я присмотрелась и увидела, что один из нижних зубов справа как-то ненормально изогнулся наружу и кровит. Потрогала пальцем этот зуб. Он едва держался, как говорится, на ниточке. Я взялась за него двумя пальцами, слегка потянула, и остался этот зубик в моей руке. Жулька убрала на место язык, лизнула мою руку, как я поняла – в знак благодарности, перестала скулить, радостно повертелась на месте, а затем помчалась к калитке.

Оказывается, у нашей девочки просто расшатался «молочный» зуб, уступая место новому. Обычное дело, ребёнок он и есть ребёнок. Но какой бесстрашный! Ведь Жулька сама, по собственному желанию, обратилась ко мне за скорой медицинской помощью, попросила: помоги! Показала, где болит. Какая умница!

А однажды я совершила по отношению к Жульке очень хороший поступок, о котором после сильно сожалела. Пришёл как-то к нам в гости со своей мамой, моей сестрой, племянник Саша. Было ему восемь лет, и он частенько вместе с Иришей, а иногда и один, надевал на Жульку ошейник с поводком и прогуливал её по поляне. А может быть, это Жулька «прогуливала» Сашу. Потому что именно она неслась, куда ей вздумается, а мальчонка бежал за ней по пятам.

И вот, когда сестра собралась идти с сыном домой, Саша начал канючить:

– Тётя Люда, отпустите Жульку к нам погостить. Ну, пожалуйста, хоть на один денёчек!

– Ну, правда, пусть поживёт у нас день-два, – поддержала просьбу сына моя сестра.

С тяжёлым чувством я всё же поддалась на эти уговоры. Зажал Саша поводок в руке, и двинулись они втроём в путь. Жулька, вроде, весело бежала рядом с мальчиком. Проводила я их взглядом и вернулась в дом. Была суббота, выходной. Мы решили, что воскресенье Жулька проведёт в гостях, а в понедельник,

когда я буду возвращаться домой с работы, заберу её. Но до конца рабочего дня я не дотерпела. Побежала к дому сестры в обеденный перерыв, благо жила она недалеко от моей работы.

Шла и думала о том, как обрадуется Жулька, как бросится мне навстречу с радостным лаем. А она встретила меня молча. Мало того, она вдруг попятилась от меня, насколько позволяла ей тонкая цепочка, на которую привязали её к углу дома, прижалась боком к доскам крыльца и... глухо зарычала.

– Жулька! – изумилась я. – Обиделась, маленькая? Так сильно обиделась? Ну прости! Прости, пожалуйста! Больше никому, никогда... – И вспомнила, что уже произносила эту фразу, а вот ведь не сдержала своего обещания.

Жулька дрожала мелкой дрожью, растянула тонкие чёрные губы, обнажила мелкие белые зубы и продолжала рычать на меня. А в углах её глаз блестели слёзы. Не буду спорить с теми умными головами, которые утверждают, что животные не умеют ни смеяться, ни плакать. Не берусь судить обо всех животных, но наша Жулька была способна и на то, и на другое. В минуты радости растягивала в улыбке рот, в минуты боли и обиды – плакала.

Вот так же чем-то обидели её прежние хозяева, и она ушла от них, не простила. Простит ли меня? – думала я с тревогой. Начала гладить её, снимать эту противную холодную цепь. Почувствовала – перестало дрожать собачье тельце, подобрело «личико».

Сначала бедняжка понуро плелась за мной, спустя какое-то время немного повеселела. А когда подходили к нашему дому, припустила стремглав к нему Жулька на радостях. Описав по поляне большой круг, вернулась ко мне, ткнулась носом в мою ногу, в знак прощения, наверно. И опять понеслась к дому, неистово махая хвостом. Простила окончательно.

Поздней осенью случилось мне заболеть, и положили меня с воспалением в больницу. Навещали меня и муж, и дочери, и внучка Ирочка. Я спросила у них, как там поживает моя Жулька.

– Нормально, – отвечали они.

Потом навестила меня моя подруга по работе Вера.

– Ты знаешь, – сказала она, – ведь твоя Жулька каждый день на работу ходит.

– Как?! – опешила я.

– Так. Утром все приходим, и она приходит. Весь день сидит у крыльца редакции, смотрит на дверь, всех входящих и выходящих взглядом провожает. Тебя ждёт. Кормим её постоянно. Но ест она мало, неохотно. Смотрим на неё, и слёзы на глаза наворачиваются. Это ж надо, такая преданность.

Две недели пролежала я в больнице, и всё это время Жулька на мою работу ходила. Утром, к девяти – туда. Вечером, когда все шли по домам и закрывали двери редакции на ключ, она уходила тоже. А на другой день всё повторялось вновь. Вот такая у нас с ней любовь была обоюдная.

Выписалась я из больницы, сколько радости было при встрече! Кажется даже, что никто из моих родных не радовался моему возвращению домой так бурно, как Жулька.

СОДЕРЖАНИЕ

Страшная история.....	3
Лесной телёнок	6
Коза-дереза	9
Ребята и утята.....	15
Леший.....	22
Раз ёжик, два ёжик.....	27
Ласка	32
Света, Мушка и рысь.....	36
Рыженькая шалунья.....	39
Зайчонок	42
Наш Малыш	47
Ласточкин дом.....	52
Жулька.....	56

30-00

*«Подарите мне живую собаку, ну,
пожалуйста...» –
просила маленькая Иришка.
И вскоре у нас появилась Жулька.*